

ХЕЛЬ
СОРГО

An illustration of a family in a dimly lit room. A woman with blonde hair, wearing a white lab coat with a red cross on the sleeve and a stethoscope, stands behind a man with long white hair who is seated in a wheelchair. A young girl with long blonde hair in a pink dress stands in front of the man. The room has large windows with red curtains, a lamp, and a potted plant.

В БОЛЕЗНИ
И ЗДРАВЬИ,
Дракон

Хель Сорго

В болезни и здравии, Дракон

<https://litres.ru/74214099>

Аннотация

Лорд Люциар был сильнейшим драконом страны. Теперь же не может подняться, не может видеть. О нём никто не заботится, и он сам не ждёт помощи... Я была физиотерапевтом, пока не попала в мир, где у попаданок нет никакой защиты и любой встречный может заявить на них своё право. Чем бежать в неизвестность, я решила остаться и поставить хозяина проклятого замка на ноги. К тому же здесь живёт ребёнок, который называет Люциара своим папой. Слуги говорят, что малышка безумна, но я им не верю! Да и дракон не очень похож на злодея...

В тексте есть: истинная пара, исцеление любовью, забота о ребёнке, обустройство и быт.

♥#Подписаться на Хель Сорго:

Смотреть похожие книги:

Дом ста детей. Целительница для Генерала-Дракона -

Попаданка на целительском факультете, или Хирург его сердца -

Приют из другого мира. (не) Изгнанная жена Дракона -

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	46
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1

– Иномирянку не жалко. А конюх нам ещё понадобится.

Воцарилась плотная, как и тьма вокруг, тишина. А затем человек за дверью добавил:

– Да и наши жизни-то ценны...

– Ага-ага, – запричитал плаксиво женский голос в ответ, – а лорд слишком уж зло к себе позвал!

Я заворочалась. Рёбра ныли, будто меня избивали. Шея затекла, без подушки раньше никогда не спала.

Широкая лавка с жёстким матрасом под мутным окошком в предбаннике и клочьями свисающей с потолка паутиной – совсем не родной диванчик в уютной однушке.

Тишина же на улице вместо приглушённо-гудящего города, дыхание которого давно стало фоновым, делала все прочие звуки оглушающими.

– Считаешь, всё-таки она не здешняя?

– Пальтишко-то её видела? Конечно. А таких даже закон не защищает, если никому не принадлежат.

– Так может, – вместо сомнения закрался в женский голос некий азарт, – продадим лучше?

– И будешь сама, – деревянная тяжёлая дверь со скрипом распахнулась, – с лордом возиться? Прежняя сиделка пропала поди. Тоже желаешь?

– Н-нет, – покачала головой полноватая, уютная на вид

женщина, сжимая в своей ручке лампу, оранжевый свет которой быстро настиг меня и юркнул прямо на постель.

Я сделала вид, будто всё ещё сплю, измучавшись после тяжёлой дороги.

Но напрасно, так как морщинистая сухенькая рука старика бесцеремонно потрясла меня за плечо.

– Эй! Как она сказала, её зовут? – это он бросил в сторону.

– Аделин, – подсказала женщина шёпотом. – Может, всё-таки...

– Тш! – шикнул он на неё, прерывая сомнения. – Мы сразу предупредили, что замок и его владелец ей добра не принесёт. Эй, Аделин! – вновь попытался он меня растормошить.

Признаться, если бы не это, я и дальше притворялась бы спящей. Пусть заснуть крепко и не удавалось, усталость брала своё, и мне было тяжело даже разомкнуть веки и шевелить языком.

– Да? – проронила слабо.

Пронзительные, не по-старчески ясные глаза дворцового сузились.

– Ты говорила, что заплатишь за ночлег.

Да, имела неосторожность... Не понимала на тот момент, что нахожусь слишком далеко от дома, чтобы обещать хоть что-нибудь.

– Так... – протянула вопросительно и неуверенно.

– Наш господин вызывал к себе. Но у меня и милой Таи и без того уйма дел. Сходи-ка ты, а? Просто узнай, чего проО-

клятый лорд желает, и постарайся ему угодить. Как ни как, мы тебя впустили, но замок его, ты ему должна! И нас подставлять негоже, согласна? Если лорд недоволен останется, что впустили тебя и скрыли от него, накажет.

— Ох, накажет, — запричитала круглолицая женщина, мелко кивая головой. — Накажет.

Кого же она мне напоминает?

Ах, точно, вылитая нянечка из «Сто один далматинец»! Только волосы каштановые и круглые очки имеются на тонком маленьком носике.

Я с трудом поднялась, сбрасывая с себя дурно пахнущее тяжёлое одеяло. Думать даже не хочу, почему у него такой запах...

Синий свитер и джинсы на мне почти обсохли. Я как-то не решилась их снимать, печь, у которой повесила своё серое укороченное пальто, здесь грела едва-едва. И в каждую минуту могло что-то произойти. Как теперь вот, например. А я и без того чувствовала себя слишком уязвимой.

— А что мне ему сказать? — натягивая на ноги кожаные полусапожки, совсем растерялась я.

— Ну, начни, пожалуй... хм, — женщина запнулась.

— На месте сориентируешься, — замахал руками дворецкий. — Только с просьб не начинай! Всё-таки это он чего-то желает и звал.

— Разве ему не важно, кого? — я не совсем понимала, что происходит.

Они же переглянулись и ничего не ответили, кроме: сама увидишь.

И повели меня по лабиринту узких пыльных коридоров и лестничных пролётов.

Время от времени по сторонам сверкали высокие узкие окна, отражая свет лампы. Скрипел пол, когда из каменного переходил в деревянный. Прогибались ступени под ногами, а после перил на ладонях ощущалась пыль.

Замок в запустении...

Я обтёрла руки о джинсы, и мы остановились у резных дверей с позолоченным рисунком.

Женщина со вздохом окинула меня взглядом.

– Такие ему нравились... Может и не рассердится.

– Где твой ум? – коротко гаркнул на неё дворецкий.

И я поняла, почему, только когда он распахнул передо мной дверь, толкая в спину.

Запнувшись о порог, едва не упала, поэтому подняла взгляд на того, кто неподвижно сидел в кожаном кресле у входа на балкон, несколько запоздало.

– Добрый...

Тут я замолчала, пытаюсь понять, какое вообще сейчас время суток.

– Добрым здесь ничто не бывает, – голос лорда, как грохочущая вдали гроза, что вот-вот начнёт метать молнии.

Он обернулся, и я едва не отшатнулась, увидев незрячие, словно наполненные туманом глаза.

Да уж, тут и вправду не важно, как я выглядела и понравлюсь ли...

– Чего застыла? – склонил он голову набок.

Едва заметный жест, но в котором сквозило нечто такое хищное и колкое, что мне сделалось не по себе.

– Подойди ближе, – протянул лорд руку.

Ему не надо было подниматься, чтобы я заметила, как он высок и хорошо сложен. Даже в неверном, тусклом пламени свечи я видела чётко-очерченную челюсть, утончённые черты лица, звериный разрез глаз и серебряные волосы, собранные на затылке. Лишь одна выбившаяся прядка спускалась с его лба, отбрасывая тень напоминающую шрам, пересекающий бровь и пол лица.

Или... Да, то действительно был шрам.

Я не двинулась с места.

– Мм, мы не знакомы. Меня зовут Аделин. Я заблудилась и хотела бы здесь перено...

Он прервал меня, звучно и коротко хмыкнув.

– Мне плевать, – руку не опустил.

И я всё же шагнула к нему, не зная, что ещё делать, решив рискнуть.

Он безошибочным, чётким движением схватил меня за запястье и притянул к себе так, что мне пришлось упереться о подлокотник, оказавшись лишь в пару сантиметров от его лица... Застыла в таком положении, пока ладонь лорда не скользнула мне по руке выше, пальцами пройдя путь до лок-

тя, затем плеча, после невесомо... когтями, коснулась шеи и влажных спутанных волос.

Он наверняка ощущал моё сбивчивое дыхание на своём лице, но не выражал ничего, кроме сосредоточенности.

Пальцы его, удивительно гладкие и тёплые, дошли до моих глаз, и тут-то я нашла в себе силы отпрянуть.

– Вы чего?

– Я уронил воду. Подними стакан, – сухо отдал он распоряжения, будто только что и не изучал меня, до смерти напугав. – Подкати меня к постели. И не буди днём, когда будешь уходить.

Подкатить?

Только в этот момент поняла, что кресло у него не простое и вместо ножек имеет колёса...

Подрагивающими руками взялась за ручки сзади, которых сразу не увидела и подкатила лорда к кровати. Под ней же отыскала стакан, наполнила его из кувшина на тумбе и поставила на место (там было круглое пятнышко, чистое от пыли).

Это всё? Из-за этого меня подняли? Почему к нему боялись зайти? Отчего так плохо заботятся о нём?

Вопросы роились у меня в голове и больно жалили. Но сил, чтобы озвучить их, не было...

Лорд тем временем сам вернулся в постель.

Кровать у него большая, с багровыми покрывалами, занимала едва ли не половину комнаты. Зачем вообще такая, ес-

ли ему тяжело вставать? Неудобно ведь...

С минуту поколебавшись, я всё-таки отошла к двери и собиралась уже покинуть спальню, как меня насквозь пронзил его безразличный голос:

– Лучше скрывай, что пришла из другого мира. Если сил, ума и удачи хватит как-то начать здесь с нуля... Ты ничего, мужа отыскать проблемой не будет, верно? Или же я могу помочь.

– Мужа найти? – не выдержала я, нервно усмехнувшись. Его же лицо так и оставалось холодным.

– Нет. Дам список имён достойных, кто мог бы тебя приобрести себе и содержать. Я даже плату с них не возьму, пусть тебе достанется. Обычно это и практикуют, когда находят подобных тебе.

Я вспыхнула от негодования и ужаса.

– Нет, благодарю, – голос дрогнул, мне пришлось прочистить горло, чтобы добавить твёрже: – И если попытаетесь... Впрочем, вы не сможете. Ваше кресло ездит очень медленно. А прислуживают вам старики!

Вышла я под его раскатистый смех и нарочито громко хлопнула дверью.

Продать меня решил, надо же!

Тем временем за окнами занимался рассвет, тусклый свет которого упрямо разгонял тяжёлый, зефирный туман.

Дня ждать, когда дороги станут вновь видимы глазу, я не намерена. Сейчас же заберу своё промокшее, отяжелевшее

пальто и будь, что будет!

Бежать надо отсюда, куда глаза глядят...

Я несколько раз с силой ударила себя по щекам, всё ещё надеясь, что вижу дурной сон. И остановилась у лестницы, прижимая ладони к будто обожжённым крапивой щекам, едва не столкнувшись с крохотной, истощённой девочкой.

– Привет, – первой поздоровалась она. – Ты видела моего папу? А можешь ему передать, что я всё ещё здесь? Что ты делаешь? – повторяя за мной, приложила она ладошки и к своему милому, бледному личику. – Мне дверь никак не открыть и близко не подойти, меня в подвале запирают на ночь. Но сейчас я выбралась. Папа не знает, наверное, что я здесь, поэтому меня и обижают, правда? Иначе он бы защитил.

– Так... – я присела перед ней на корточки и успокаивающе погладила по растрёпанным, белым волосам. – Твой папа...

– Лорд Люциар.

– Да... И тебе надо с ним поговорить?

– Не надо, – опередил малышку с ответом некто, кто тёмной тенью навис над нами. – Вы просто не в курсе нюансов, – заверил меня темноволосый мужчина с яркими, зелёными глазами и улыбкой, от которой одновременно хотелось передёрнуться и не отрывать взгляд.

Малышка же, при видя его, вцепилась в рукав моего свитера и крепко прижалась ко мне, пытаясь спрятаться от колдовского взгляда незнакомца.

Глава 2

Девочка мелко дрожала. То ли от страха, то ли от холода, ведь одета была всего на всего в льняную ночнушку с кружевами на воротнике и рукавах. Когда же я заметила, что ноги её босы, мне самой сделалось ещё холоднее и я, недолго думая, подхватила её на руки.

На вид ей было лет семь, не больше, но весила малышка всего ничего. Даже несмотря на усталость, тяжести я не ощутила.

– Кто вы такой? – произнесла настороженно, отступая от незнакомца.

В ответ он вновь одарил меня улыбкой и провёл пальцами по своим волнистым волосам. Зелень глаз его сделалась будто темнее.

– Моё имя Ранэль. Я добрый друг нашего лорда, давний гость в этой обители. Слежу за порядком, за тем, как работает прислуга. В общем, всячески помогаю Люциару. И присматриваю за бродяжкой, – прокралось в его голос едва уловимое презрение.

Я отступила ещё на шаг, чувствуя, как замерла девочка, носиком уткнувшись мне в шею и задышав часто и отрывисто.

– Что-то не похоже, чтобы она была этому рада...

Он неопределённо, как-то лениво повёл плечом.

– Ты ошибаешься. Без меня девочка давно оказалась бы на улице и погибла. До города отсюда два дня пешком, по тропам через лес. Приближается зима, время туманов, заблудиться очень легко.

– Я ничего не понимаю, – отступила вновь и лопатками вжалась в холодную каменную стену.

– Девочка безумна, – эхо разнесло голос Ранэля по коридорам, – осталась без матери. Та работала здесь судомойкой, но подхватила чахотку и скончалась пару месяцев назад. Лора тяжело переживала это. И, видимо, чтобы справиться с потрясением, выдумала, будто лорд Люциар – её отец.

– Почему же вы не пускаете её к нему?

Ранэль скорбно опустил глаза и сцепил пальцы в замок.

– Ни так давно лорд лишился своей жены и дочери. Ни к чему ему бередить раны. Он болен, находится при смерти. При этом всё ещё опасен. Пойдёмте...

И он обходительно повёл рукой, слегка касаясь ладонью моего плеча, заставив этим малышку встрепенуться и уткнуться в меня личиком уже с другой стороны, подальше от него.

Я подчинилась, последовала с ним к винтовой лестнице. Едва не касаясь плечом каменных стен, старалась не споткнуться и шагала по узким и высоким ступеням, по которым, опережая нас, плясал свет от будто керосиновой лампы, зажжённой Раэлем.

И когда мы оказались в просторном холле на первом эта-

же, я немного расслабилась, ощутив волну тепла от большого, в человеческий рост, камина, в котором полыхали и убаюкивающе потрескивали крупные уголья.

– Ты, верно, устала с дороги, – указав мне на уютные кресла у огня, произнёс Ранэль и потянулся к ребёнку.

Я поспешила прикрыть Лору собой.

– Она вас боится...

– Она боится всех, – протянул мужчина, но настаивать не стал.

Мы сели у огня. Веки мои вновь начали слипаться, но я держалась изо всех сил.

– Не расскажешь, Аделин, откуда ты и что произошло?

Я взглянула на него задумчиво.

Тени и багровые блики плясали на его лице и строгой одежде, похожей на военную форму. Взгляд его внимательно меня изучал, так, что скулы мои вдруг предательски вспыхнули. В остальном опасным или враждебным Ранэль мне больше не казался. Если бы не реакция малышки на него, может я бы даже успокоилась.

– Мы ведь, – когда молчание затянулось, попытался он меня подбодрить, – всё равно знаем, кто ты. Не бойся, расскажи.

– Чтобы точно всё подтвердить, и вы меня продали? – насторожилась я.

Он рассмеялся, негромко и мягко, хотя и от этого смеха девочка с новой силой начала ко мне жаться.

Я успокаивающе погладила её по спинке.

– Ох, нет, Аделин, – покачал Ранэль головой, – ты, если слышала что-то от прислуги, выбрось из головы! Всё и все, кто находится в этом замке, попадают под ответственность и власть лорда. Без его ведома с тобой ничто не случится.

Я ему не доверяла. Однако один вопрос, самый важный, всё же вертелся на языке и терзал мою душу:

– Думаете, я смогу вернуться домой? Люциар сказал, что-бы днём я уходила. Но даже намёка не сделал, что могу вернуться... обратно.

Говорить – «в свой мир», было жутко. Я ещё не готова принять до конца, что со мной произошло нечто настолько невероятное, хотя уже понимала, что точно нахожусь не во сне.

Девочка на моих руках замерла, будто тоже, как и я, затаив дыхание ожидала ответа.

– Зависит от того, как и почему ты сюда попала.

– Что ж, – я вздохнула, всё же решившись начать рассказ и надеясь при этом, что не стану плакать, ведь приключилось всё со мной отнюдь не от хорошей жизни. – Я вернулась поздно вечером с работы, постучала в дверь своего дома. Ключи не подошли замку, я не ожидала, что бывший муж решиться на подобное, ведь квартира эта принадлежала мне ещё до замужества. Но ответил мне даже не он, а его мать. И начались первые странности, вынудившие меня набрать номер скорой. Хотя свекровь моя и раньше была странной, но

в этот раз...

– Ты чего пришла? – огорошила меня свекровь с той стороны двери.

– Это вы что там делаете? – часто-часто заморгала я, будто надеясь согнать с глаз дурную пелену, не веря в происходящее.

– Живу, – последовал невозмутимый ответ, а за ним ор: – И если ты, дрянь эдакая, продолжишь стучать, я на тебя управу найду! Время видела? Полночь скоро. Шуметь законом запрещено!

– Да вы сами кричите...

Но меня прервали, не дав договорить:

– Я виновата?! Ты чего в дом к нам ломишься?

– Позовите Егора, – попросила я настоятельно, собрав волю в кулак и успокоившись. – Я ему давала целый день на сборы, мы договаривались, что он освободит жилплощадь.

– А освободил тебя, – хихикнула она. – Вещи твои у лавочки возле крыльца.

– Что?! – тут я вскрикнула, не удержалась.

Если они ноутбук и документы с украшениями (пусть и немногочисленными...) вот так на улице оставили, то, боюсь, вещей у меня больше нет.

– А нам чужого не надо, – будто издеваясь, пропела моя бывшая свекровь.

– Вы прямо сейчас в моей квартире, вы нормальная?! –

заколотила я в дверь кулачками. – Это я сейчас на вас полицию вызову, слышите?

Но вместо этого пальцы лихорадочно принялись набирать номер скорой... Потому что из под двери вдруг начали сквозить тонкие струйки дыма.

– Вы что делаете?

Я не думала, что она подпалит квартиру, но в том, что свекровь не в себе, уверилась. Может так даже проще будет отвоевать моё же жильё...

Писать заявление на этих людей всё-таки не хотелось, я надеялась, что можно как-нибудь иначе.

Как ни как, три года прожила в браке с Егором. С матерью его, Евдокией Ивановной, общались неплохо. Лишь к концу, когда детей у нас так и не получилось, отношения испортились бесповоротно.

Какими только меня словами не называли. Даже при мне она не стеснялась убеждать своего сына, что ему нужна другая, способная подарить ребёнка, создать «настоящую семью».

Я ходила по врачам, винила во всём себя. Но никто так и не назвал мне причину бездетности. Когда же я узнала, что Егор всё то время обманывал меня, что тоже проходит обследование, он лишь отмахнулся: «В моём роду всё было нормально! А вот насчёт тебя мы с матерью не уверены», – намекнул на то, что я сирота...

Что ж, тогда я и сказала ему, что в таком случае с мамой

пусть и живёт.

Я переживала, просто не ожидала, что всё так обернётся. Изначально Егор казался мне серьёзным человеком, который пылинки с меня сдувал.

Возможно, я просто слишком быстро сказала ему «да», поддавшись первому впечатлению, которое он произвёл на меня и чувствам, которых ранее не знала... Вот и получилось всё как-то наперекосяк.

Однако ставить крест на своей жизни я не собиралась. Не для того училась на медсестру, а после стала физиотерапевтом, не для того мечтала о семье и создавала уют в доме, следила за собой, строила какие-то планы.

Я не могла позволить кому-то разрушить всё и подломить меня.

И вот, оказавшись в той точке, где из-за двери сочился дымок, и слышалось неясное бормотание, которое я приняла вначале за причитания, вдруг догадалась – свекровь читает заклятия!

А значит, я всё делаю верно – нужно отделиться от них раз и навсегда. Запомнить свою ошибку и впредь быть разумнее.

– Я вызываю на вас санитаров! – крикнула прежде, чем нажать на кнопку вызова, давая ей ещё один шанс.

И она им воспользовалась...

Дверь распахнулась. В клубках едкого, сладкого дыма от аромопалочек и коптящей свечи в другой руке, в ореоле света от подвесной лампы, мать Егора предстала передо мной

растрёпанная, тучная, в махровом халате, наспех прихваченным поясом.

И толкнула меня, выбив из рук телефон, что со звонким и дребезжащим «кляц-кляц-кляц» поскакал по ступеням вниз.

– Что бы ты сквозь землю провалилась, – выплюнула она сквозь зубы, – все нервы нам вытрепала!

Я поспешила сбежать по лестнице, не рискнув с ней ругаться. Хотела проверить, на месте ли сумка с вещами, а после уже попросить у кого-нибудь из соседей телефон.

Но на улице меня встретил ливень, холодный ветер, заглушающий шум мегаполиса и сумка, в которой осталось лишь что-то из одежды и бумаг, валяющаяся не у крыльца, а на обочине трассы. .

Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, подставляя лицо колким и тяжёлым каплям, я желала лишь об одном, чтобы это скорее закончилось.

И, подхватив полупустую сумку, медленно пошла обратно.

Шаг, ещё шаг и...

Проклятие свекрови сбылось.

Рухнула в пустоту, сквозь землю.

Я очень крепко держалась за край люка. Едва ли не над головой грохотали машины, краем глаза я всё ещё замечала мелькающие огни.

Не знаю, почему люк был открыт и не был ограждён, воз-

можно, кто-то отодвинул крышку ради забавы.

Дождь и шум дороги мешали голосу звучать громко, заглушали крик. Пальцы скользили по мокрому шершавому краю, деревенели от холода. Начало зимы не радовало снегом... Глаза заливали ручьи грязной воды, но и без того я мало что могла разглядеть.

И вот, руки мои соскользнули...

Однако удара не последовало. И я, всё так же дрожа от холода и ничего не видя из-за бьющего в лицо ветра, оказалась на тропе, ведущей куда-то в туманную даль.

По сторонам шумел уже не город, а деревья. Шуршали под ногами подёрнутые корочкой льда и инея листья. На и без того мокрой одежде и волосах оседала влага, но уже от тумана. Настолько густого, что в нём тонули пальцы вытянутой перед собой руки.

Я шла практически наощупь, наугад, едва-едва угадывая тропу. Пока буквально не врезалась в высокое тяжёлое ограждение из железных ледяных прутьев.

И, может быть, так бы и замёрзла там, не найдя ворота, если бы не залаяла свора гончих.

Я никогда не боялась собак, вот и теперь бежать не стала. И мокрые их носы поочерёдно принялись утыкаться мне в ладони, а затем и в отяжелевшее пальто, от чего я и догадалась, что вход на ту сторону ищу не зря. Но с места не сдвинулась, боясь наоборот отойти дальше, рассудив, что на лай собак выйдет хозяин. А хозяин точно должен быть, ведь кто-

то же заботится об этих красавцах!

Так и произошло.

– Кого здесь носит?! Кому не спится-то? – раздался за моей спиной старческий мужской голос.

– Может зайца нашли? – это уже сказано женщиной, тихо и робко.

– Они только на людей так лают.

– Я здесь! – крикнула и пошла к ним, будто незрячая, выставив перед собой руки. – Я заблудилась, не знаю, где нахожусь. Мне очень холодно... Помогите пожалуйста!

Разглядев впереди тусклый огонёк лампы, припала к прутьям тяжёлых ворот и различила в тумане две человеческие фигуры.

Они не отвечали, сомневались.

Тогда я выпалила:

– Могу заплатить вам! Пожалуйста!

И ворота, звякнув связкой ключей, мне открыл недовольный, бормочущий что-то себе под нос пожилой мужчина.

– Так и оказалась здесь, – закончила я рассказ.

Лора уже спала, отогревшись и устав бояться.

Мужчина же прожигал меня внимательным, пронизательным взглядом.

– Что скажете? – когда молчание затянулось, спросила я.

– У меня есть шанс попасть домой? Как получилось, что я

оказалась здесь, почему?

Отчего-то у него на скулах заиграли желваки, а взгляд сделался недобрым. Однако, в противовес этому голос его прозвучал дружелюбно. Подозрительно дружелюбно:

– Думаю, ты...

Глава 3

... умерла.

Слова его отзывались эхом у меня в голове. И, видимо, что-то такое страшное отразилось на моём лице, что Ранэль вмиг оказался рядом, опустилсЯ у моих колен, касаясь руки осторожно, будто затем, чтобы проверить, не стала ли я призраком, услышав его предположение. И участливо заглянул мне в глаза.

– Аделин? Не стоит так реагировать.

– Так я, – облизала вмиг пересохшие губы, – вроде как в раю? Или чистилище?

Он коварно усмехнулся, всё так же сидя и крепкими пальцами сжимая мне руку, сочувствующе.

Хотя, глядя на его повадки и учитывая ощущения, которые он вызывал одним взглядом или хищным изгибом губ, в голову так и лезли навязчивые мысли о том, что пальцами этими ему бы только и сворачивать чьи-то тонкие шеи... Получалось бы у него легко.

А может и действительно получалось, откуда мне знать?

– В нашей культуре концепция ада, рая и чистилища вообще не рассматривалась до того, как стали появляться люди из вашего мира, – произнёс он. – Мы верим, что после смерти люди уходят в долгий и очень крепкий сон, который, если ты достоин, однажды может прерваться. И ты вернёшь-

ся как бы в свою собственную жизнь и, как знать, возможно, сможешь прожить её лучше, чем раньше...

Угли в камине таинственно сверкали, будто выхватывая и проглатывая, сжигая, его слова. За окнами, что ближе к потолку переходили в разноцветные витражи, всё светлее и увереннее разгоралось солнце, делая туман золотым и янтрано-прозрачным.

– И вернуться, – голос Ранэля шелестящий, как сухая опавшая листва, гонимая ветром по тропам, – можно в какой-то определённый момент или в самое-самое начало. Так выходит, что я возможно не знаю даже, вдруг проживаю данную минуту заново, а может и по десятому кругу... Эти мысли, а у некоторых и вполне явное ощущение, заставляют с большей ответственностью относиться к своим поступкам. Ведь неизвестно, сколько ты прошёл ради этой секунды. И повторится ли она хотя бы ещё раз... И не будет ли, если повторится, гораздо более худшей, чем теперь?

Его речь меня отвлекла, хотя я и не способна была в нынешнем состоянии вдумчиво проследить за смыслом.

– А ещё, – наконец поднялся он, прерывая свой гипнотический взгляд, – почему сразу рай? Это место скорее ад... Видимо лорд наш и в прошлых проявлениях был ужасным.

– Он ужасный человек? – вздёрнула я брови.

Лорд Люциар произвёл на меня неизгладимое впечатление. Он напугал и был несколько... резок. Но в каждом жесте его сквозила плавность, обрамляющая бушующую, неве-

роятную силу. И невозможность этой силы выйти наружу, быть свободной, наверняка причиняло лорду боль. Физическую или душевную, уже не столь важно. Я уверена, что видела это слишком явно, а не придумала. И уверена, что ему каждую минуту своей болезни приходится терпеть.

Терпеть.

Терпеть...

Сохраняя достоинство, при этом осознавая, что ему больше нечего ждать.

– Он дракон, – ответил Ранэль коротко, – не человек. И не мне судить его, к тому же, как бы там ни было, я ему друг.

– Почему вы дружите? И почему к лорду у всех такое отношение?

– А мы не отошли от темы? – вернулся он к моему личному вопросу. – Считается, что если иномирянин попал к нам, просто заблудившись или зайдя куда-то, а выйдя здесь, или заснув и не проснувшись в своём мире, то вернуться он способен. Но если кто-то попал сюда при обстоятельствах, когда должен был наверняка погибнуть там, у себя, то пути назад нет. Быть здесь для тебя – продление твоей жизни. Второй шанс или судьба, называть можно по-разному. Так, что, – добавил тише, протягивая руки, – девочку-то мне отдашь? Я уложу её спать. И тебе не помешало бы, раз уж собираешься уйти...

На мгновение усомнившись, я всё же осторожно передала ему малышку. Видя, как бережно он поднял её, слегка успо-

коилась.

— Можешь подремать здесь, можешь выбрать любую комнату в замке, — предложил Ранэль. — Чувствуй себя, как дома.

И, проводив его затуманенным от усталости взглядом, всхлипнув пару раз и обнаружив, что от усталости даже не было сил на слёзы, я поднялась и отправилась к предбаннику, где осталась моя сумка.

Там слегка посплю, а после уже соберусь в путь.

Впрочем, это стоит ещё обдумать...

Куда мне идти, как выживать? И эта маленькая девочка всё не выходила из головы. Почему к ней здесь относятся так плохо? Мне кажется, я видела синяки на её запястьях...

Её привязывают или больно хватают? Вдруг её бьют?

В предбаннике сделалось теплее, пахло пылью и древесиной, а ещё чем-то терпким, как крепко-заваренный чай.

Я легла на жёсткий матрас, не поднимая даже одеяла, сползшего с пола. И провалилась в глубокую, желанную, обволакивающую тьму сна.

А спустя какое-то время разбудило меня звонкое клацанье прямо у моего лица.

Миска каши, гнутая, вроде как оловянная, крутясь, упала на край лавки, свободный от матраса.

Я, пусть и ощутив резко голод, всё же поморщилась и поднялась, укоризненно цокнув на старика.

Годрик.

Так звали дворецкого. И, наконец, я смогла его рассмот-

реть.

Из мутного, пыльного окна над лавкой в комнатку проник белый дневной свет. Уже не такой золотой и рассеянный из-за тумана. Думаю, я проспала примерно до трёх дня. И Годрик успел поймать недовольство даже по этому поводу.

– Спишь, день спишь, а мне ждать!

– А?

– Ждать, – пояснил он, скрещивая на груди руки, застывая у крохотной печи, – когда принести тебе завтрак. Завтрак! В обед вообще не бывает завтраков.

Я скептически взглянула на дымящуюся кашу. Не знаю, что за крупа, но похоже на расплюснутую перловку с кусочками сочного мяса и поджаренной моркови.

– Спасибо за беспокойство. Но я не собака... – всё же, проглотив слюнку, сказала я. – Не нужно швырять в меня миской.

– Ох, ну уж прошу прощения, – проворчал он и заворочал кочергой в печи. – Я не хотел. Кушай.

Отказываться не стала.

Каша оказалась вполне съедобной, мягкой и солоновато-маслянистой на вкус.

– Ты сразу уйдёшь? Милая наша Таи спрашивала, хочет успеть собрать для тебя немного еды и тёплых вещей. Твоё пальто никуда не годиться, как и обувь!

– Это зимняя, – зачем-то встала я на защиту своих полу-сапожек.

Годрик ухмыльнулся (а несколько зубов то у него оказались золотыми!) и покачал головой:

– Может у вас это и зимняя, а для нашей зимы это всё одно, что босиком выйти.

Дворецкий был невысоким, жилистым, с туго стянутыми в короткий хвост-щётку серыми от равномерной седины волосами. Загорелым, каким-то пергаментным морщинистым лицом и руками, ногти которых были черны. С большим орлиным носом, который добавлял колорита в его и без того интересно-отталкивающую внешность.

В замшевой жилетке, надетой, поверх плотной синей формы и чёрных штанах. В вычищенных до блеска кожаных туфлях он вдруг принялся расхаживать по грязному дощатому полу, стуча каблуками, будто пытаясь отбивать чечётку.

– Я скажу ей, что ты уходишь сейчас, – отчеканил он, продолжая мерять шагами предбанник, пока я задумчиво жевала кашу. – Но, признаюсь, ты всех заставила не спать, мучаясь размышлениями и муками совести. Тебе должно быть неловко, девочка!

– Мм? – только и смогла ответить я, отправляя в рот последнюю ложку «завтрака».

– Тяжело решать, отпускать тебя или нет... С одной стороны, могла бы вместо нас присматривать за лордом. Все здесь только рады бы были! С другой, жаль тебя, дурёху. Народ поговаривает, что замок этот проклят вместе с ним, и мы с Таей склонны этому верить. С третьей же стороны...

– Угла, – отчего-то разобрало меня дурное веселье.

Нервы, наверное, сказывались.

– А? – запнулся он.

– Тогда уж логичнее сказать «с третьего угла». Треугольник. Ассоциация такая, – пыталась я объяснить свою неуклюжую шутку, но Гедрик всё сильнее делался озадаченным, и уже это начинало меня смешить.

– Иномирные слова, – наконец досадливо отмахнулся он.

– Так, о чём это я... Да. С третьей же стороны, выйди ты из замка, станешь ничьей. А жаль добро то такое отдавать! Первый, кто тебя себе заберёт, будет право иметь тебя продать. Вот и думали мы, думали...

– Это мне думать надо, – нахмурилась я. – И с вами здесь оставаться мне не хочется. Только девочку проводаю, можно? И тогда уйду.

Он задумчиво закусил губу. Покачал головой, размышляя о чём-то и, судя по морщинам на его лбу, мысли были тяжёлыми. Но, наконец, коротко кивнул:

– Господин Ранэль приказал угодать. Идём, коль так хочешь, покажу, где привязываем дикарку.

Привязывают?

Сердце моё болезненно ёкнуло. Я спешно поднялась, пальцами кое как распутывая свои русые, доходящие до лопаток волосы, будто для девочки это имело значение... И поспешила за Годриком.

Лора что-то говорила о подвале. И я ожидала чего угодно,

но не того, к чему в итоге подвёл меня дворецкий.

– Здесь? – прошептала я, с замиранием сердца глядя на...

Глава 4

Высокие решётчатые двери, что будто в какой-то сказочной тюрьме, от самого бетонного пола возвышались до тёмного потолка. Это ввергало меня в ужас.

Непонимание охватывало всё сильнее, когда Годрик взялся за чугунный засов и не без усилия потянул его в сторону, чтобы открыть мне путь в пустое помещение, напоминающее заброшенный бальный зал.

Окна узкие и овальные шли по одной стороне зала, сменяясь рядами тёмного кирпича, поросшего мхом и грибком. Витражи от пыли выглядели как тусклое грязно-серое стекло. С люстр на потолке свисали лохматые клочья пыли. Мозаика на полу местами отбилась, валяясь теперь острыми разноцветными камнями, которыми, не обращая на нас внимания, игралась малышка, складывая из них шаткую башенку.

Пальчики её были выпачканы в пыли и песке, как и босые ноги. А вот платьице оставалось чистым. Белое, с кружевами на воротнике и подоле, с рукавами-фонариками, оно смотрелось странно на исхудавшей, взлохмаченной малышке.

Видимо, одежду ей меняют часто. Зачем-то...

Тут я насторожилась ещё сильнее.

Может Ранэль предвидел, что захочу взглянуть на девочку, вот и привёл её в более приличный вид? Но зачем? Что-

бы я с лёгким сердцем всё же решилась уйти?

Что-то не вязалось одно с другим... Не понимаю только, что именно и почему.

Может он и в комнату её не отвёл, только чтобы подозрений у меня не стало ещё больше? Ведь сейчас мы действительно находились в подвале, я знала, что она должна быть в подвале. И если привстать на цыпочки и взглянуть в окно, то станет заметно, что окна здесь находятся вровень с землёй.

– Лора! – прокашлявшись, окликнул её Годрик.

Малышка встrepенулась и тут же вскочила на ноги, словно испуганный зверёк. Округлила свои удивительно-светлые глаза и позволила нескольким камушкам с тихим шорохом выпорхнуть из раскрытых ладоней.

– Так, только не наступи! – предостерегла я, делая к ней шаг. – Ты ведь поранишься...

Лора замерла, а затем будто виновато опустила голову, да так и стояла, рассматривая разноцветные осколки у своих ног, пока я не подошла.

– Ты почему здесь? Всё хорошо? – присев рядом с ней так, чтобы глаза наши оказались на одном уровне, тихо спросила я, осторожно убирая с её лба прядку мягкий волос.

Она подняла взгляд и неопределённо повела плечиком.

– Здесь я никому не мешаю. Дверь открыть очень сложно, у меня не хватает сил выдвинуть засов. А ночью меня...

Она собралась что-то сказать, указывая в сторону стены, в которую был вбит крюк, а под ним лежало несколько мат-

расов, но Годрик перебил:

– Не носи чепухи! Аделин и без того остаться думает из-за тебя!

– Ты останешься?! – бросилась малышка мне на шею, обнимая так отчаянно, что на глазах моих заблестели слёзы. – Правда, останешься со мной?

Её наверняка привязывали на ночь за крюк. Неужели для того, чтобы уж точно не пробралась к незрячему лорду?

Учитывая состояние замка и всеобщее отношение к Люциару, не думаю, что они всерьёз заботятся о его душевных переживаниях...
Скорее опасаются его гнева, если появление девчушки и правда затронет болезненные воспоминания о погибшей дочери.

На этой мысли стал возрастать и мой гнев.

– Останусь, – произнесла я твёрдо, поднимая девочку на руки. – Если буду работать здесь, – обратилась я к Годрику, – лорд мне заплатит?

Дворецкий, не ожидая такого вопроса, вздёрнул брови.

– Эм... Ну, прислуге каждые двадцать дней выдают жалование. Однако же...

– Хорошо, – не дала я ему добавить какое-нибудь «но». – Значит, я остаюсь. Пойду, выберу себе и Лоре комнату.

– И ей? – он преградил нам путь, и я крепче прижала девочку к себе.

– Она теперь – моя забота.

Что, если поднакоплю сбережений, больше узнаю об этом

мире и смогу уйти отсюда вместе с ребёнком ни в никуда, а имея хоть какое-то представление о том, как устроить здесь свою жизнь?

– Лора неуправляема, – упрямо выплюнул Годрик, – ты не знаешь, на что подписываешься, девчонка!

– Ну, значит, узнаю попозже, – недобро сузила я глаза.

– Но лорд Люциар если...

– Значит, – вновь перебила его, – зол он будет на меня, вам то, что?

– Упрямая, заполошенная, намучаемся с тобой, – принял-ся ворчать он, однако выйти нам на этот раз позволил.

И, будто сбегая от него, сверлящего меня взглядом в спину, я спешно шла по лабиринту узких коридоров в предбанник, где можно было нагреть воду на печи и хотя бы отмыть да отогреть девочке ноги.

– Почему ты без обуви? – спросила, плечом открывая знакомую дверь.

Лора всё ещё обнимала меня за шею.

– Здесь больше нет детских вещей, лорд всё сжёг, когда, – она замолкла.

Понятно, горевал о семье...

Я опустила её на свою лавку и принялась искать таз и воду. Всё оказалось в самой бане, что находилась рядом.

А когда вернулась с тазиком, водой и полотенцем, то обнаружила, что малышка заснула, свернувшись калачиком точно, как я недавно, под тем же ужасно-пахнущим одеялом.

Наверное, не выпалась после своего ночного побега, или устала от переизбытка эмоций после нашего знакомства. Как ни как, а веса ей катастрофически не хватало, удивляюсь, как она и на ногах то держаться способна.

Покормить бы её...

Я огляделась, будто могла отыскать еду прямо здесь и в нерешительности, тихонько, отошла к двери.

– Вообще-то, – едва не врезалась в Годрика, что стоял в коридоре, – вас, как прислугу, ещё ни Ранэль не утвердил, ни лорд Люциар!

– А на каких правах здесь Ранэль вообще что-либо решает? – полюбопытствовала я из искреннего интереса, но Годрик оскорбился.

– Не стоит в подобном тоне говорить о нашем дорогом Ранэ...

И тут на плечо его упала холёная ладонь того самого таинственного мужчины.

– Не стоит грубить нашей гостье, Годрик, я ведь просил...

И это «просил» шелестением, шипением ядовитой змеи было подхвачено эхом и унесено в глубины коридоров.

– Но она, – начал было Годрик, и вновь оказался перебит.

– Испуганная девушка, не знающая, каков здесь уклад?

– Вы правы, – отступил дворецкий, слегка поклонившись.

– Однако Аделин изъявила желание служить лорду. За жалование, понимаете? По-настоящему, а не просто остаться здесь помогать.

Мне показалось, что Ранэль слегка переменялся в лице. Что-то тёмное и едкое проскользнуло в его колдовском взгляде. Но он быстро вернул себе невозмутимо-достойный вид и одарил меня улыбкой:

– Что ж, значит она знает себе цену... Однако соглашаться на это лорду Люциару, не нам. А вряд ли ему понравится такой расклад.

– Почему? – спросила я, всё пытаюсь увести их подальше от предбанника, чтобы не разбудили малышку.

– К нему нелегко подступиться, – неспешно идя рядом со мной, протянул Ранэль, – характер у друга моего скверный. Новых людей он никогда не любил, а старых уж очень быстро начинал воспринимать, как должное. Но попробуйте поговорить, коль не страшитесь его или проклятия, о котором молвит народ.

Не знаю, о каком проклятии речь, но я обязательно поговорю с Люциаром.

– Прямо сейчас.

– Мм? – едва заметно поморщился Ранэль.

Я повернула к знакомой винтовой лестнице.

– Поговорю с лордом прямо сейчас.

И будто сама судьба, подталкивая меня к этому, вывела к нам полноватую, милую Таи.

Она спешила спуститься, охая на каждом шаге и оборачиваясь через плечо.

– Колокольчик! – завидев нас, воскликнула Таи. – Коло-

кольчик лорда звенит уж битый час, а я никого из вас найти не могу! Я не пойду к нему, хоть казните меня, не пойду, не пойду!

И я, ощущая тревогу, поднялась наверх.

Ноги сами собой привели к комнате Люциара, за дверью которой и правда настойчиво, но уже совсем слабо позвякивал колокольчик размеренным и гулким: «Дзын-н».

– Опомнитесь, – успел лишь протянуть Ранэль в мою сторону руку (неужели надеялся всё-таки отговорить меня по пути?), как я перешагнула порог и оказалась в затемнённой душной спальне лорда. Где сам воздух будто сделался багряным от красных всполохов свечей, бордовых штор и такой же постели.

Пара секунд, и глаза мои привыкли к полумраку. Самого же Люциара нигде видно не было.

Пока я не подошла к кровати и не увидела нечто очень странное. Нечто такое, что сознание моё не сразу опознало, и пару мгновений я просто не понимала, на что именно смотрю.

– Лорд Люциар, – дрожащим голосом, что заглушал звук собственного сердца, бьющего в висках, позвала я, – вы под... – вопросы застревали в горле. – На вас...

Кожаное, полыхающее, словно раскалённые красные уголья крыло частично укрывало лорда и тянулось до противоположного конца комнаты, сметая на своём пути столик, тумбу, массивные мягкие стулья-кресла, лампы и подсвеч-

ники. Один из которых, по видимому, был зажжён, потому что теперь ковёр на полу начинал тлеть и пускать в воздух чёрную копоть.

Крыло переливалось, по нему, будто отблески на поверхности драгоценного камня, разбегались красные блики, сменяющиеся выжженной ими чернотой, что после вновь вспыхивала сдержанным под крепкой оболочкой пламенем.

Прошло всего несколько секунд, как я, спохватившись, взяла кувшин и вылила воду на прожжённый ковёр. И только после этого догадалась, что комната может вспыхнуть от одного только драконьего жара и свечи здесь – меньшее из бед.

– Лорд Люциар! – не зная, что можно предпринять и как подступиться к дракону, крикнула я. – Люциар, сейчас же возьмите себя в руки! Прекратите это немедленно!

Он судорожно и коротко вздохнул и крыло его замерло. Я видела, как лорд слегка повернул голову ко мне, будто мог взглянуть на меня своими, затянутыми пеленой, глазами. Но вместо какого-либо выражения в них, во взгляде его лишь отразился и погас огонёк свечи.

Бледные, дрожащие от страдания губы разомкнулись и, к моему удивлению, дрогнули в слабой улыбке.

– Ни... никто, – выдохнул он тихо, – не указывал мне. Д... Даже король... Лишь, – снова эта страшная, болезненная пауза и тихий короткий вздох, – просил.

– Как мне помочь? Что произошло? – спросила уже тише, осторожно приближаясь к нему и касаясь ладонью крыла.

Не удержалась... Я, словно завороченная, просто не могла не прикоснуться к нему.

Крыло оказалось гладким, покрытым мелкими, плотно прижатыми друг к другу бархатистыми чешуйками, что действительно напоминали раскалённые угли, по которым жар плясал вперемешку с тенями и сажей.

Люциар перестал дышать, ощутив моё касание и едва слышно шепнул:

– Аделин... ты, – пауза на этот раз возникла, будто не от боли, а недоверия и чего-то затаённого, словно дракон не мог поверить в происходящее: – не обратилась в пепел?

– Что?

– Твоя рука, – пояснил он, – ты, верно, обожглась, глупая?

– Нет, ничего такого, – провела я по крылу вверх-вниз и отняла, наконец, ладонь. – Простите... Не знаю, что на меня нашло. Но больше хотела бы узнать, – вновь повысила тон, – что с вами?

Он хрипло рассмеялся, отворачивая от меня лицо.

– Хотел подняться. Хоть как-то. Я обронил... эту позорную вещь.

Взгляд мой скользнул по полу под кровать, куда откатился колокольчик и только теперь, качаясь туда-сюда, прекратил издавать звучание.

– Крыло вырвалось против воли, – договорил Люциар, – а убрать не хватило сил. Я словно заперт где-то внутри. Я словно в тюрьме, в этой комнате, в этом замке, в этом... теле.

Ты... не обожглась, – повторил вновь, на этот раз задумчиво и ещё более тихо.

– Можете сейчас убрать крыло? – настойчиво спросила я. Он не отвечал.

Подозреваю, боль, мучая Люциара, отнимала слишком много жизненной энергии и сбивала его «настройки силы». Иначе, как это ещё объяснить?

Решившись, я осторожно потянула за лоскуты порванного на спине шёлкового синего халата, расшитого золотом, а там и пробежалась подушечками пальцев по напряжённым, будто каменным мышцам.

Сама забыв, как дышать, стараясь не задевать основание крыла, начала осторожно разминать сведённые судорогой лопатки, невольно размышляя о том, что такой гладкой и тёплой кожи не встречала ни у кого...

С губ Люциара сорвался невесомый, едва слышный стон, он крепко стиснул зубы, но терпел. И чуть расслабился, когда мои пальцы, напротив, устали и сделались непослушными от прилагаемых мною усилий.

Крыло словно втянулось в его крепкую спину. Из-за вспышки света я не смогла рассмотреть, как именно, но в одно мгновение его не стало. И Люциар попытался приподняться на локтях, переворачиваясь лицом к потолку.

Не видя при этом меня... А ведь я не шелохнулась, замороженная всем этим. Так и вышло, что теперь моё собственное лицо оказалось над ним, за вуалью русых волос. И в

белых глазах дракона отражался мой неясный, испуганный, хрупкий силуэт.

– Я чувствую... – проговорил Люциар тихо, – твоё дыхание на своих губах.

– Эм, – здесь то оцепенение с меня спало, и я отпрянула, – лишь проверяла, дышите ли вы сами.

– Так похож на мертвеца? Это временно облегчение, умиротворение, если хочешь, отразилось на моём лице, только и всего.

– А вы оптимист...

– И ты тоже, если правда решила, что умру.

Он, наверное, так пошутил. Мол, все ждут его гибели и были бы рады. Но меня слова эти неприятно резанули по сердцу.

– Нахмурилась? – предположил он. – Ах, да, ты ведь не в курсе деталей... Юмор мой не мог быть оценён.

– Замолчите и помогите вас поднять, – произнесла я строго и, заведя ладони ему за спину, потянула.

Так мы добились, чтобы он сел, затем Люциар облокотился о край кровати и общими усилиями оказался на ней.

Какое-то время лорд просто лежал, рухнув в бордовые покрывала, не шевелясь. Ну, точно растерзанная хищная птица, попавшая в сеть, ранив крылья и устав биться...

А я тем временем распахивала окна и дверь на балкон, отдёргивала тяжёлые шторы, впуская в спальню свет и свежий воздух. А затем принялась убирать с ковра разбросан-

ные вещи, чтобы свернуть его и вынести вон.

Ушло на всё про всё минут десять, зато в комнате стало гораздо приятнее и горло перестало саднить от запаха копти.

Десяток вопросов жалили язык, но я не спешила ничего спрашивать, всё ещё не будучи уверенной, как стоит отнестись к Люциару, что является опасным для меня, а где можно чувствовать себя свободнее.

Он же прислушивался к моим действиям с интересом на лице и плохо скрытым недоумением.

– Что ты делаешь, Аделин?

Я стояла у завесы из чёрной ткани, которую сперва приняла за стену и медленно отвела её в сторону, обнаружив за ней медную ванну на ножках и кран с хрустальными вентилями.

Может здесь у них и горячая вода имеется? Было бы удобно...

Вдруг лорд хотел умыться, сам, а в итоге упал, случилась беда с крылом и уже после неприятность с колокольчиком? Его гордость, мне кажется, и без того была задета, чтобы он поведал мне именно такую историю.

Я задумчиво закусила губу, а затем попыталась открутить один из вентиляей.

– Аделин? – окликнул меня лорд ещё раз.

В попытке повернуть кран, сдувая со лба прядь волос, ответила я не сразу.

– Да?

– Что ты делаешь и почему всё ещё здесь?

– Я теперь у вас работаю, – поставила его перед фактом.

Что-то мне подсказывало, что сейчас это, возможно, самый верный способ задержаться в замке на законных правах. И, похоже, не ошиблась.

– Надо же... – сузил глаза Люциар и коротко фыркнул от смеха. – И чьё же это решение? Ранэль совсем окопался в этом замке, что даже такие решения принимает?

– Я так и не разобралась, хочет он больше, чтобы я ушла или осталась, – ответила честно. – Давно вы дружите?

Люциар облизал пересохшие губы.

– С юности.

Я набрала в стакан воды, сожалея о том, что осталось её в кувшине на самом доньшке, и поднесла к губам лорда.

– Я принесу свежей, пока, вот...

Он сделал несколько жадных глотков. И стакан опустел.

– Почему вас боится прислуга? – всё же решилась на вопрос.

– Всё-таки сомневаешься, хочешь ли здесь остаться?

– Нет, – упрямо ответила я, вновь принимаясь за уборку и осмотр комнаты, хотя всей душой хотела уже вернуться к малышке, волнуясь за то, не потревожил ли её кто-нибудь в моё отсутствие. – Просто хочу иметь представление, чего ожидать. Вы меня можете слопать, обратившись в монстра? Или испепелить ненароком? Или меня ждёт такая участь,

как вас?

– Нет, это тебе точно не грозит, – улыбнулся Люциар даже будто бы... тепло. – Если, конечно, не окажешься на поле боя, где тебя насквозь пронзят единственным в своём роде, сделанным специально для этого, смертельным клинком... Моё крыло повредилось, от того только одно и вырвалось сейчас, а второе, раненное, мучило меня изнутри, – пояснил он совсем тихо, будто просто задумавшись, но я смогла слышать эти слова. – Нет... Страшатыся люди другого. Того, что когда я...

Дверь со скрипом открылась, и порог переступил Ранель, обводя посвежевшую комнату неодобрительно-удивлённым взглядом ярких, будто сияющих, глаз.

И я, пусть и ощутила укол разочарования от того, что лорда прервали, получила всё же возможность понаблюдать за друзьями лично.

Но никак не ожидала того, что всё обернётся несколько... неожиданным для меня образом.

– Мой лорд... – произнёс Ранель, при этом в упор смотря мне в глаза. – Не знаю, что предложила вам эта особа, но прошу у вас разрешения оставить её себе после вашей кончины или выкупить сейчас, с согласием оставить её здесь для служения вам. Если вы и правда того желаете.

Люциар приподнялся выше, прислоняясь спиной к плотным тёмным подушкам, на которых пряди его серебряных волос выделялись ещё сильнее.

Размышлял он недолго:

– Мой дорогой друг, я отвечу тебе так...

Глава 5

Не зная, что делать и думать, я отступила к балкону, и теперь мой силуэт обрамлял свет, тусклый и белый, наверняка пробивающийся сквозь туман. Глазами остальных, сама я наверняка при этом превратилась в тень...

Я старалась не смотреть на Ранэля, сейчас он пугал меня, а мне не хотелось показывать этого. Его фигура тоже была темна. Так часто бывает с теми, кто желает выставить себя иначе, возможно, поэтому многих и может настораживать доброта и самоотверженность. Люди боятся, что это лишь оболочка из света, а не сама суть...

Люциар же продолжил:

– В деньгах я уж точно не нуждаюсь, как и в какой либо услуге, что можешь предложить мне взамен иномирянки.

Я закусила щёку с внутренней стороны, действительно теперь ожидая худшего, однако по-прежнему не рискуя вмешиваться в разговор.

– Но дружим мы с тобой долго, ты последний из близких мне... Однажды ты спас меня, необратимо пострадав, я обязан тебе, – Люциар устало прикрыл веки, будто всё это время мог видеть и глаза его устали от созерцания наших напряжённых лиц. – Я не гневаюсь за вторжение ко мне и дерзкую просьбу. Но подумаю о ней, если прямо сейчас назовёшь

главную причину, почему у меня это просишь.

Тут я уже подняла на Ранэля взгляд, укоризненный и колкий.

Уголок его губ дрогнул, будто готовясь изогнуться в острой, презрительной улыбке. Но в следующее мгновение лицо его, утончённое, аристократичное, сделалось вдруг сочувствующим, и Ранэль подступил ближе к лорду. Опустился на колено у его постели и сжал в своих ладонях руку Люциара.

— Мой лорд, я не желаю вас оскорбить. Мой добрый друг... Поймите верно! Что, если народ говорит правду, что, если правы они? Вы погибнете и утащите за собой все ближайшие земли, не то, что этот замок и его обитателей... Всё и всех, кто принадлежит вам. Я же нахожусь чуть выше местных. Меня вряд ли коснётся беда... Но девушку жаль, иномирную к тому же, такую редкость. Да и видели бы вы, как красива она, — договорил он тише, почти шёпотом и сделал паузу.

Я же изогнула брови и приоткрыла рот, не сразу спохватившись, чтобы вернуть себе спокойный или же строгий вид.

Уж какой, но красивой я никогда себя не считала. Совершенно обычная, вроде без изъянов, но не яркая и даже наряжаться не умела.

И вот Ранэль, пока я пыталась понять хоть что-либо, продолжил:

— Будет вам Аделин служить наравне с местными, скорее

ведь и её саму коснётся проклятие. Сила драконья слишком велика, чтобы, при взаимодействии людей с вами, не оставляла она след на них... Не связывайте девушку с собой, мой лорд. Оставьте мне.

Лицо Люциара, пока он слушал пылкие речи своего друга, не выражало ничего, кроме усталости.

Ждать вердикта я уже не стала. Подошла ближе и остановилась чуть поодаль от Ранэля.

– А в моём мире люди свободны и вольны сами выбирать...

– Но ты, – проговорил Люциар тихо, отнимая от друга свою ладонь, – не в своём мире. К слову, Аделин, он озвучил сейчас ответ на твой недавний вопрос.

– Какой?

Из головы успело вылететь всё, о чём мы разговаривали до появления этого змея.

– Почему меня боится прислуга.

– А это правда? Если с вами случиться беда...

– Если он умрёт, – зачем-то поправил меня Ранэль.

Будто в удовольствие ему было напоминать об этом лорду, внушать ему эту страшную мысль.

– ... действительно пострадают окружающие? – сделала я вид, что не заметила тех слов.

Люциар отвернулся.

– Я не знаю, – прошептал он, – я делаю всё, чтобы этого не случилось. Но люди склонны верить в худшее. Ступайте

все, я... Я так устал...

Моё сердце сжалось от сочувствия. Несмотря на тревогу за свою судьбу, сказать я больше ничего не смогла и отступила.

– Я зайду к вам чуть позже, – проронила только, будучи уже у дверей, – принесу воды.

И вскоре после меня вышел Ранэль, раздосадованный, но пытающийся держать лицо.

Он нагнал меня у винтовой лестницы. И я впервые немного позавидовала лорду, который мог просто приказать всем уйти. Ведь Ранэль, пусть и оборачивая всё в обёртку обходительности, приобнял меня со спины и отвёл в сторону от ступеней.

– Не пугайся, прошу... – шелестел его голос, будоражил, заставлял отводить взгляд. – Клянусь, я не желал дурного. Не знаешь просто, на что подписываешься, глупая.

– Куда мы идём?

Он увлёк меня к узкому проходу из белого крупного камня, с широкими окнами, занимающими почти всю стену. Будто шли мы по длинному странному балкону.

– Самый короткий путь до оранжереи.

– Собираешься показать мне цветы?

– Хотелось бы, но... Сейчас ты всё поймёшь сама.

– Меня ждёт ребёнок, – попыталась я повернуть назад, но Ранэль, перехватив меня под локоток, настойчиво потянул за собой.

– С Лорой ничего не случится, – заверил меня.

– Потому что её снова привязали к крюку на стене? – не выдержала я.

Ранэль шумно вздохнул.

Он был одет в какую-то форму, синего цвета с золотой вышивкой. С волнистыми чёрными волосами, завязанными в хвост. Каждое движение его – грация и проворство, выправка будто военная, взгляд змеи...

Я невольно вздрогнула.

– Холодно?

– Немного, – при этом отрицательно качнула головой.

– Боишься меня?

– Это глупый вопрос.

Он открыл передо мной узкую высокую дверь и жестом руки предложил спуститься по невероятно крутым, коротким ступеням.

Вцепившись в перила, щурясь в полумраке, я подчинилась. И вскоре мы действительно вышли в большую оранжерею со стеклянными стенами и потолком, что поддерживали белые колонны.

Но внутри не обнаружилось цветов... И дело не в приближающейся зиме, не в том, что оранжерею не топили, хотя я видела несколько небольших печей, больше напоминающих что-то вроде мангалов.

Нет... В месте этом кожей чувствовалась болезнь и дыхание смерти.

Беспорядок на полках, полу и деревянных столах меня не смущал. А вот высохшие, серые и бурые растения, которыми увито было всё и вся, навивали нехорошее предчувствие и мысли.

– Это произошло, когда Люциар чуть не погиб, – проговорил Ранэль, останавливаясь за моей спиной. – Как не пытался садовник, как ни пыталась Таи, ни один цветок не ожил больше. Затем люди, работающие здесь, стали нехорошо себя чувствовать и сбежали, бросив замок. Люциар не стал препятствовать. В тот момент ему вряд ли было дело хоть до чего-нибудь. Впрочем, это и сейчас не очень изменилось... Затем милая Таи начала бояться подходить к подобным, как это, местам. Даже живность поспешила убраться подальше, осталось в конюшне лишь пара лошадей. Аделин...

Горячие его пальцы прошлишь по моим плечам и слегка сжали мне руки, приятно, но при этом всё внутри меня замерло. Дыхание Ранэля жаром запуталось в моих волосах.

– ... не враг я тебе. И не продал бы тебя никому.

– Оставил бы себе? – выдохнула я, крепко зажмурившись, а после распахнула глаза и нашла в себе силы от него отшатнуться.

– Да, – блуждая по мне взглядом, не стал он отрицать. – Но лишь затем, чтобы уберечь столь редкий дар небес, как ты, Аделин...

– Я хочу вернуться к себе, – поспешила я к стеклянным дверям.

– К себе, это в предбанник? – фыркнул Ранэль смешливо и саркастично.

– Да, – упрямо дёрнула я за ручку, но дверь не поддавалась. Мне хотелось выйти именно на улицу, а не подниматься по той жуткой лестнице.

– От себя, – невозмутимо, чуть растягивая слова, подсказал Ранэль и я, наконец, вышла.

Тут же пожалев об этом, ведь воздух, белый от плотно-го, ватного тумана, оказался липким и ледяным, вмиг дела-ющим мой свитер влажным и колким, замерзая на его вор-синках.

– Куда идти?! – требовательно развернулась я и чуть не врезалась в Ранэля.

– Прошу, Аделин, не бойся, – повторил он и указал на-правление. – И Лора в порядке, сколько раз повторять? При-няв, что дикарка тебе важна, я приказал Таи сторожить её.

Я втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

На дикарку малышка ничуть не походила.

Однако то, что за ней присматривала та милая на вид жен-щина, меня слегка успокоило.

Напрасно, правда...

Потому что прямо перед нами, когда мы уже поднимались по ступеням замка, из тумана выскочил дворецкий, а секун-дой позже мы слышали крик Таи:

– ... лови её! Какой кошмар! Лора! Кто-нибудь, она ведь накликает беду. Помогите мне!

– Что могло произойти? – бросилась я вслед за Годриком, что уже скрылся за входной дверью.

– А я предупреждал, – протянул позади Ранэль, спокойно следуя за мной, держа наготове руки, если я вдруг споткнусь в тумане о ступень и упаду...

Я уловила это краем глаза, но обдумать или как-то воспринять не успела.

В главном холле замка картина встретила меня чудная...

– Ах, небеса... – причитала Таи, пытаюсь удержать малышку за руку. – Да что же такое, Годрик, помоги же! Господин Ранэль! – заметила она нас.

Лора же белым мотыльком билась в её хватке, заливаясь слезами. А по полу тихо-тихо барабанили капельки крови.

– Она меня укусила! – тут же пожаловалась нянечка. – Укусила, да больно так...

Годрик, кружа вокруг коршуном, пытался поймать Лору за шиворот. Ранэль же, сложив руки на груди, спокойно наблюдал за ними. Не вмешиваясь будто затем, чтобы дать мне возможность стать свидетелем... Чего?

Он надеется, я подумаю плохо о ребёнке?

– Папочка! – тем временем воскликнула та, звонко всхлипывая и начиная рыдать. – Папочка, они не пускают меня к тебе! Папа! Папа, пожалуйста, они меня пугают!

Здесь-то с меня и спало оцепенение.

Я в одно мгновение оказалась рядом. В отличие от дворцового, без труда перехватила малышку, забирая её у Таи и

едва сдержалась, чтобы не отвесить этой милой женщине пощёчину. Остановило только то, что у неё у самой глаза были на мокром месте. И как только Лора оказалась в моих объятиях, Таи принялась с причитаниями тереть свою укушенную руку.

– Что. Здесь. Происходит? – видимо, нечто такое просквозило в моём тоне, что все, кроме Ранэля, сделали шаг от меня.

– Она пыталась сбежать через окно на улицу, – пролепетала Таи. – А когда я её затащила обратно, не позволив этого сделать, то Лора начала рваться к лорду. Я как подумаю, что дракон мог услышать шум, у меня сердце от ужаса заходится!

– И от жалости, – добавил Годрик, прочистив горло и как-то осунувшись. – Бедный, бедный наш проклятый лорд... Как бы правда не поверил, что здесь дочь его. Ведь сам её хоронил! Совсем ума лишится... Или, того хуже, разгневется и всех нас прикончит.

Настал мой черёд отступить, обнимая и глядя по спинке подрагивающую от плача Лору.

Расспросить всех подробнее, что случилось с семьёй Люциара, я не смогла. Жалко было малышку, которой вряд ли будет приятно всё это слышать. Она, похоже, действительно верит, что является его дочерью.

Пойти же к самому Люциару и спросить его я не могла тоже. Не владела пока достаточной информацией, чтобы ре-

шиться на такое и заранее, хотя бы примерно предугадать реакцию лорда на те или иные вопросы.

Поэтому я сконцентрировалась на том, что могу и должна сделать прямо сейчас.

Развернувшись, я поспешила унести малышку. К тому же заметила, что и её тонкие руки были изранены.

– Это ты стеклом порезалась? – спросила тихо по пути, стараясь сделать так, чтобы тон мой не встревожил её сильнее.

И у меня получилось. Лора, в последний раз всхлипнув, уткнулась лицом мне в шею и кивнула.

– Окно разбила, встав на лавку, и попробовала пролезть...

– Но зачем ты хотела выйти? – я старалась не обращать внимания на шаги за своей спиной.

Из-за этого звука волнами накатывала паника. Не хотелось, чтобы нас кто-либо трогал...

– Раз не пускают к папе, – прошептала Лора, – я собиралась забрать из конюшни Марцепан и поехать за королём. Он бы послушал...

– Он Люциара признал изменником... И даже если это не так, ему выгодно его таковым считать, – раздался позади ленивый голос Ранэля. – И не казнил лишь за прошлые заслуги. И из-за предрассудков.

Здесь мне уже послышалось раздражение в его голосе.

– Каких?

– Кто рискнёт, – поравнявшись с нами, пожал Ранэль пле-

чом, – гневить драконью силу? Король и все, кто служит ему, надеются, что дракон погибнет, но сила его останется на этих землях. А значит, продолжит их укреплять. При этом исчезнет опасность того, что Люциар и правда переметнулся бы к врагам, и тогда сила драконья оказалась бы на их стороне... Враги же в свою очередь ждут его смерти, потому что не верят в эти сказки. Ну, что якобы после смерти дракона на родине его всё равно защитой остаётся магия.

– Выходит, ты не считаешь Люциара предателем? – мне сложно было так сразу всё понять, но суть, кажется, я уловила.

Ранэль передёрнул плечами:

– Как знать... Не мне судить. Да уже и нет смысла судить его. Но если ты вывод такой сделала из-за слов о врагах, то Люциар, как бы там ни было, не успел примкнуть к другому правителю. А значит, в любом случае клятвой связан с этой страной. Что большая редкость. Драконы в целом огромная редкость. А, принёсшие кому-то клятву верности... Это почти то же, что дать в залог свою магию или оставить её в наследство. Если, опять же, верить преданиям... Драконам, в любом случае, не свойственно это. Люциар же выделился. А потом ещё и умудрился поссориться с королём.

– Из-за чего? – я привычным движением открыла плечом дверь.

– Из-за своей жены, – протянул Ранэль. – И из-за той битвы, на которой и пострадал.

Лора тихонько всхлипнула, и я усадила её на лавку, сперва сбросив на пол одеяло, усыпанное осколками.

– Дай посмотрю, – прошептала, присев рядом.

И малышка, к моему удивлению, доверчиво протянула ко мне свои изрезанные руки.

– Есть бинты и что-нибудь дезинфицирующее? – подняла я на Ранэля взгляд.

Позже ещё расспрошу о драконе подробнее, пока были дела важнее.

Ранэль холодно смотрел, как по тонкой белой коже девочки стекала алая капля крови, и лишь поджал губы, отрицательно качнув головой.

– Может, ты тогда оставишь нас? – проговорила я насто-роженно. – Она боится тебя.

Ранэль, едва не закатив глаза, отступил к двери.

– Раздобуду лоскуты изо льна, – бросил он напоследок, решив всё же помочь.

– Я промою пока твои ранки, ладно? – отошла я за плаш-кой холодной воды.

Лучше уж так, чем оставлять порезы заляпанными пылью и грязью.

Но когда обернулась, Лора уже прятала ручки за спиной.

– Я не сделаю больно, обещаю, – заверила я её.

Но она, не соглашаясь, завертела головой.

Тогда я попыталась снова, нужно было заговорить её и от-влечь:

– Марципан, это лошадь? Ты умеешь ездить верхом?

Лора звонко рассмеялась, но взгляд её сделался таким, словно она сквозь смех говорила мне: ты совсем глупая, Аделин, разве же не знаешь, что это не так?

– Умею. Но Марципан – мальчик, наш конюх. Кто же лошадку так назовёт?

Я ответила ей улыбкой.

– В моём родном мире, вполне бы назвали, – вынув платок из кармана медицинского халата, который оказался в моей сумке, я, сполоснув его в воде, осторожно начала протирать малышке кожу вокруг порезов. – А кто научил тебя ездить верхом? Ты ведь совсем кроха... Не страшно?

– Не страшно. Папа научил. Как ходить начала, так и учил. Ты отведёшь меня, – украдкой вытерла она кулачком скатившуюся по щеке слезу, – к папе? Я скучаю... по папе и маме. Но её уже нет. А папа... не слышит меня.

Я едва сдержалась, чтобы не заплакать вместе с ней и впервые была рада возвращению Ранэля, который меня от этого отвлёк, протянув белые лоскуты ткани.

– Спасибо, – занялась я перевязкой. – Но разве в замке нет лекарств? А кто и как тогда лечит лорда?

Ранэль ответил не сразу, словно мой вопрос немного сбил его с толку.

– Пару раз являлся лекарь.

– И всё? Почему нет хотя бы обезболивающего?

– На драконов не действуют подобного рода лекарства.

– Но должно ведь быть хоть что-то! – меня всё сильнее охватывало негодование.

Ранэль молчал.

– Пожалуйста, – закончив с Лорой, поднялась я и взглянула в его лицо, – отведи девочку в какую-нибудь хорошую комнату. Я буду жить там с ней.

Он слегка растерялся, но учтиво и медленно мне кивнул.

– Разумеется, Аделин...

Скоро я возненавижу своё имя. Он повторял его так, будто оно являлось заклятием... И голос Ранэля становился таким гулким, глубоким, вибрацией проходящим до самых костей...

Закусив губу, я отступила от малышки, напоследок погладив её по голове. На пороге только спохватилась и уточнила:

– А где здесь кухня, чтобы я могла набрать воды и, возможно, приготовить что-нибудь для лорда?

Ранэль вместо ответа вышел в коридор и коротко крикнул:

– Таи! Отведи нашу гостью, куда ей надо. И, будь добра, поменьше причитай при ней и попрिдержи язык!

И пусть я не видела толком, как он взаимодействует с прислугой, по одному его тону уверилась – Ранэлю невероятно безразлично соприкасаться с ними.

Любопытно. Почему-то мне показалось это забавным.

О, нет, я заставлю милую Таи разговориться, пусть побольше расскажет мне теперь о самом Ранэле!

И вот, следуя за этой полноватой дамой в сторону кухни и кладовых, я начала. И, похоже, тактику выбрала верную:

– А Ранэль не из простых людей, как посмотрю... Но и не лорд ведь? Он, кстати, не женат?

Таи, что вначале поглядывала на меня со смесью любопытства и настороженности, вдруг принялась мелко подпрыгивать при ходьбе. Видимо, от переизбытка эмоций:

– Конечно не лорд, не дракон ведь! Уже, по крайней мере... Ой, ну да не стоит об этом, что же это я! – похлопала она себя по губам. – Какое там женат, дорогуша?! Ох... Да разве же он вытерпит рядом с собой кого-то? Уж сколько девок с ума посводил, извилины то им повыкручивал, а после с чемоданом, да за ворота! И никто их больше никогда не видал поблизости. Отсылал Ранэль своих невест далеко, что б под окнами не маячили и глаза ему не мозолили. Так и говорил, представляешь?

– А почему, в чём было дело?

Таи посторонилась, пропуская меня в удивительно тёплую и просторную кухню. Затем, прикрыв за нами деревянную дверь, для верности опустив на неё засов, таинственным тоном поделилась:

– Да причуды у него есть одни, Аделин... Ни одна живая душа под них подстроиться не смогла. А он ни для кого исключения сделать не смог. Он и лорда то нашего толком не касается, из-за причуд этих...

– Да из-за каких причуд-то? – мне сделалось искренне ин-

тересно.

И тем же временем я не без любопытства осматривалась.

У кухни было два окна, одно овальное, другое квадратное с широким подоконником, заставленным всем, чем только можно и завешанным венчиками сухих трав.

Другие связки растений и кореньев висели под полотком в тёмном углу и выглядели более зелёными.

Большая плита нагревалась от угольев, что разжигали, бросая поленья в выемку под полом. Никогда такого не видела, но, должно быть, это удобно. И даже имелось что-то вроде вытяжки переходящей в трубу над каменной гладью плиты. А запекалась еда в огромной печи, к которой можно было выйти через вторую крохотную дверцу. Видимо, чтобы на самой кухне не было жарко.

Стол стоял низкий, табуреты высокие. Груда посуды, закопченных чугунов и прочего, горой возвышалась на других столах и шкафчиках. Но в остальном здесь было гораздо чище, чем в других помещениях замка. А ещё пахло едой. И чувствовалась жизнь...

Это вселило в меня надежду, что всё на самом деле не так ужасно здесь, как думалось мне раньше.

Но надежда эта, лишь возникнув, разбилась вдребезги.

– Готовите ужин для лорда? – подступила я к булькающему на плите котелку, прежде чем Таи успела ответить насчёт Ранэля.

И женщина часто-часто заморгала, пытаясь переключить-

ся с темы на тему.

– Н-нет, это собакам. Охотничьи ведь, едят много. Им нужно хорошо питаться.

– А Люциар?

– Ой, а лорд уже дней пять, как не ест, – покачала Таи головой. – Не желает. Или желает, но просить не просит... А настаивать мы боимся.

– А Ранэль? – совсем растерялась я, не ожидая, что всё так плохо.

– Господин Ранэль ест, – обрадовалась Таи, что хоть в чём-то хорошем может меня заверить. – Рябчиков особенно любит, пудинг ванильный с шоколадной крошкой, кофе. Знаете, кофе ведь очень дорогой и редкий, его ещё попробуй, достань! А у нас немного, но имеется. Король лорду как-то подарил. А ещё...

И, резко замолкнув, отступила на маленький шаг, поймав мой мрачный тяжёлый взгляд.

– Имею в виду, – тихо проговорила я, со звоном опуская крышку на бурлящий котелок (похоже, кашей меня недавно Годрик накормил собачьей...), – почему Ранэль не следит за питанием своего друга?

Таи растерялась.

– Я... Эм, я и не знаю, что сказать, – заметалась она из стороны в сторону, нервно заламывая свои полные, то тонкие у запястий руки. – Господин Ранэль и без того, превозмогая себя, появляется здесь так часто! Негоже нам, простой

прислуге, указывать ему...

— Он здесь не живёт, получается? — я отыскала, наконец, кувшин и большой чан с чистой водой. — Она кипячёная, можно пить?

Таи кивнула.

— Ранэль живёт недалеко, в своём особняке из белого камня, что кажется розовым на рассвете. Всё у него там по местам, чистенькое, выглаженное, свежее... Сюда приходить и следить за делами, едва ли не подвиг для него! Он не то, чтобы болезни и грязи боялся, нет... Его, хм, скорее невероятно раздражает это, понимаете? И в людях недостатки раздражают. Только лорда нашего он и любил, хвостом за ним ходил везде, терпел молча, если что не по нём было. Уважал, одним словом. С остальными не так... даже, как уже сказала, с невестами. Скольких бедняжек он своим языком да взглядом презрительным ранил! Не перечсть.

Дальнейших её причитаний я уже не слушала.

Негодование и решимость исправить хоть что-то, потеснили даже усталость и всё ещё присутствующий шок от того, в каком положении и где я нахожусь.

Быстро проверив шкафчики и заглянув в ближайшую кладовую, я вытащила мясо (вроде просто сушёное, но другого здесь не нашлось), крупу, напоминающую плющеную овсянку и несколько клубней картофеля, лук и пучки разной зелени.

— Бульон свари, пожалуйста, — распорядилась я строго. —

Вернусь, чтобы был готов! Отнесу Люциару.

– Но...

Хотела было возразить что-то Таи, однако я смирив её строгим взглядом, заверив:

– У меня он съест, сколько надо, – и, кивком головы попросив её открыть дверь, вышла с кувшином воды.

Успеть, хоть немного разобраться с лордом, вернуться и проверить девочку... Список дел рос. Главное самой теперь не свалиться с ног.

– Да, и ещё одно, – обернувшись я к Таи напоследок, – если Ранэль ваш любимый так беспорядок не любит, каким образом замок превратился... во всё это?!

Несчастливая женщина, нацепив на кончик носа очки, лишь пожала плечами.

– Не до того всем было, потом мы одни с Годриком остались. Парнишка, конюх наш, и вовсе в хлеву обжился, боится сюда заходить.

И я, вздохнув, оставила её одну.

К счастью, Ранэля по пути не повстречала. А то, глядишь, не сдержалась бы и сказала ему пару ласковых. Чем, быть может, усугубила бы своё положение...

Его здесь едва ли не героем выставляют, что от лорда не отвернулся. А, как по мне, змей он холодный, вот и всё. Просто все наверняка очарованы его голосом и гипнотическим взглядом зелёных глаз.

У комнаты же Люциара я слегка помедлила. Но лишь по-

тому, что испугалась осознания – я забыла закрыть балкон! И теперь в коридор из под двери просачивался белый туман и холод...

Зайдя в комнату, ничего не говоря, я поставила кувшин на тумбу и принялась захлопывать окна.

Люциар не спал, сидел в постели устало, с приоткрытыми глазами, что сами были будто наполнены густым туманом.

Но молчать долго лорд не стал.

– Аделин?

– Да, – отозвалась я, не зная, что сделать, чтобы в комнате стало теплее. – Простите, это из-за меня... Здесь было так жарко от вашего крыла, наверное, и душно. Вот я и забыла, уходя...

Он остановил меня жестом руки.

Не обидно, это не было сделано резко. А спокойно и с достоинством. Если можно так сказать о настолько простом жесте.

– Мне безразличен жар и холод, – небольшая пауза, затем слегка потерянная оговорка: – Обычно безразличен...

Вздыхнув, я налила ему стакан воды и поставила на то же место, где он стоял, чтобы лорду было удобно взять самому. Затем начала поправлять его постель, сбитую и спутанную до невозможности.

Лорд, слегка изогнув брови, будто наблюдая за мной с недоумением.

– Аделин...

– Мм?

– Что ты делаешь?

– Хочу взбить подушку, – справившись с одеялом, надала я на его полыхающее плечо, заставляя приподняться.

– Нет, я спрашиваю – зачем?

– Чтобы было удобно, – ответила с таким же недоумением.

– Ты не служишь здесь.

– Работаю, – кивнула я, соглашаясь с неверной формулировкой, – в благодарность за предоставленный приют.

Лорд слабо и бархатно рассмеялся.

Но когда из коридора раздалось короткое и отчаянное: «папа!» смех его резко прервался.

Глава 6

Неужели даже Ранэль не смог удержать девочку в комнате, и она снова пыталась сбежать?

А что, если он обидел её?

Я на мгновение замешкалась, затем произнесла:

– Минутку... – и метнулась к плохо захлопнутой двери.

Это мне и помогло – смогла беззвучно выскользнуть в коридор.

Никого...

Что ж, уйти просто так не могу, лорд поймёт, что я тоже что-то слышала, а пока признаваться в этом опасно. Поэтому я плотнее закрыла дверь. И это уже Люциар услышал.

– Аделин?

Его «Аделин» было всегда наполнено чем-то болезненным для меня и в то же время окрыляющим. Не знаю, как это объяснить, но всякий раз мне хотелось приблизиться и заверить, что всё в порядке, чтобы услышать своё имя уже в другом окрасе и... успокоиться самой.

– Дверь была открыта, – сказала я, – сквозняк. Я захлопнула.

Люциар опустил на подушку и запрокинул голову, устало потирая глаза и крепко стиснув зубы, словно сдерживая...

Сдерживая нечто, чего я не хотела бы слышать.

– Лорд? – сердце моё болезненно сжалось, я подошла ближе и потянулась к Люциару, но коснуться его не решилась.

Так и стояла с подрагивающей над его плечом рукой, закусив губу.

– Мне послышался детский голос... – спустя пару минут тихо произнёс он, прикрывая веки. – У меня была дочь... Ей исполнилось шесть, когда она погибла. Это случилось после того, как я получил ранение. Но я всё равно, пусть и находясь на грани, а из глаз вместо слёз могла идти лишь тягучая тёмная кровь... хоронил её сам. Этими руками, – поднял он перед своим лицом ладони, – которые до сих пор помнят её недвижимое, завёрнутое в погребальный саван, невесомое тело... Я не смог даже увидеть её в последний раз. Но не мог позволить себе умирать, лёжа в тёплой постели, пока её, чужие ей люди, несли к промёрзлой могиле...

Он судорожно вздохнул и замолчал.

– Мне жаль, – проронила я.

Лорд не ответил. Он застыл светлым, мраморным изваянием, глядя в никуда своими белыми глазами. Словно заблудился в густом и холодном тумане, что застыл в них.

– Я завидую вашей дочери, – решилась, наконец, произнести я.

– Что? – голос его выражал нарастающий гнев пополам с непониманием.

Но я не растерялась:

– У неё был такой отец, как вы... У меня не было никако-

го. И если бы могла выбирать, прожить длинную жизнь или несколько счастливых лет в кругу любящей семьи, я выбрала бы второе.

– С чего ты решила, – выдохнул лорд, успокаиваясь, устало и почти безразлично, – что моя дочь жила счастливую жизнь?

– А разве может быть иначе, когда рядом любящий и такой сильный родитель?

Люциар промолчал, но молчание его на этот раз не казалось тяжёлым.

Я продолжила:

– Меня бросили в раннем детстве. Не знаю никого, из родственников. В интернате мне пришлось выживать... Меня определили не в очень хорошее место, там либо выберишься и подстроишься либо пропадёшь. Либо выберешь оставаться человечным, либо уподобишься другим, кто на первый взгляд казался сильнее. Приходилось разбираться во всём самой, без подсказок, защиты и помощи. У вашей дочери наверняка всё было иначе...

Я, наконец, опустила руку на его плечо. И Люциар, неожиданно для меня, накрыл мои пальцы своей ладонью.

– Да...

– Я знаю, что это слабое утешение, – проглотив ком в горле, прошептала в ответ, – просто....

– Не извиняйся, – губы его дрогнули в болезненной слабой улыбке. – Спасибо, Аделин. Ты Расскажи лучше ещё о своей

жизни?

 Я придвинула стул к кровати и присела, заключая руку лорда в свои ладони, отчего-то чувствуя от этого успокоение и уют.

Видимо, мне самой сейчас нужна была поддержка...

– Не знаю, что рассказать, – улыбнулась смущённо, но очень постаралась придумать. Наверняка Люциару было невероятно скучно здесь одному. – Я жила в шумном городе, по дорогам которого день и ночь ездили машины. А от света огней фонарей, окон многоэтажных домов и прочего не было видно звёзд. Выбрала медицину, как дело своей жизни, но продвинуться в этом пока не особо успела. У меня был муж, но с ним не сложилось...

– Обижал тебя?

– Его мать обижала больше... А он разочаровал, это хуже, чем если бы руки распускал, например.

– Как тебя могла обижать его мать?

– Он её слушал... А она была своеобразной женщиной, – проговорила я, отчего-то испытывая стыд.

Неприятно, что оказалась в таком положении, что не смогла исправить всё раньше. Но что сделано, то сделано.

– Он просто был недостойным мужчиной, – проговорил лорд. – Уважать родителей одно, но ставить их во главе своей собственной семьи, это признак слабости и неразумности. Я не позволил бы никому обижать свою женщину... Даже если бы не любил.

– А вы не любили? – удивилась я.

Люциар ненадолго замолчал, затем тихо ответил:

– Уважал и ценил... Наш брак с ней был обоснован политически, было выгодно заключить союз. Когда же родилась дочь, я готов был носить её на руках.

Я отвернулась на этом, радуясь, что лорду не видны слёзы на моих глазах.

Я мечтала о ребёнке. Не думаю теперь, конечно, что и меня бы на руках носить стали и ценить больше, но...

– Всё хорошо? – каким-то чудом уловил Люциар моё состояние.

Я кивнула. А потом спохватилась, что он не видит:

– Да... Что случилось с вашей женой? Простите, если я спрашиваю лишнее...

– Я и рад поговорить, если честно. Мы поссорились с королём... Он предложил оставить мне дочь, а себе забрать мою избранницу. Та и не против была, казалось бы. Сказала, что подчинится правителю, как бы не относилась ко мне, а я, якобы, понять этого не способен, ведь драконы всегда были своевольны... Мы не успели разрешить спор, как на западные земли хлынули враги. Разразилась настоящая буря, я вышел на поле боя... Но слухи, что из-за неприязни моей к королю, теперь в сговоре с врагами, собственные люди ко мне отнеслись с недоверием, а сам правитель наш ожидал предательства. От того его приближенный, его лучший воин и нанёс мне удар в спину, в решающий момент, когда я мог победить бой или уничтожить своих. Тайное оружие,

которого, как думал я, уже и в помине нет, оказалось, хранилось у короля. Будто он всё время моей службы ему, ожидал предательства. Первый удар, неожиданный, от сослуживца, я получил в спину и был пронзён насквозь. Если бы не крыло, что в этот момент готовилось распахнуться, клинок задел бы сердце. А так прошёлся вблизи позвоночника и межрёбер. Второй удар, когда развернулся я, ослепил мне глаза и оставил шрам на лице...

Пальцы дракона невесомо прошли по тонкой линии ото лба до скулы.

– И оружие я смог выхватить и преломить, лишив его той магии, что могла навредить дракону... Однако, больше сделать я ничего не мог. А бой был выигран, ведь часть моей силы вырвалась наружу и волною снесла вражеские войска... Это, отчасти, оправдало меня и никто не смог осудить, как предателя. Против меня были слухи и ссора с королём, не больше. От того люди мои унесли меня сюда и бросили, как есть. А жена, говорят, не выдержала всего, быть может, испытывая вину, уж не знаю. Вскоре её не стало. А затем некто покусился на мою дочь. Говорят, кровью было начертано рядом с её тельцем: «за короля». Так делают всегда, когда опасаются, что подросшие отпрыски неугодных, начнут мстить за своих отцов... Вот, Аделин, если кратко.

Я не знала, что и сказать. Но теперь лучше понимала, почему лорда Люциара боялись и жалели одновременно. Наверняка даже слуги его не знали, чему именно верить.

– Молчишь, – прозвучал его голос гулко, с едва заметной хрипотцой, и Люциар отвернулся.

– То, что произошло, несправедливо, лорд... – и поправила на нём одеяло. – И я не жалею, что вы рассказали. Я вам верю, а вот к другим у меня множество вопросов.

Он тихо фыркнул в подушку.

– Из жалости не верь никому, Аделин. Особенно в этом мире. Жалость исказить может многое. Но спасибо за доброту. Ступай.

– Я скоро вернусь, – поднялась я.

– Зачем?

– Я теперь работаю здесь, – повторила упрямо. – И должна накормить вас.

– Не голоден, благодарю.

– Вам кажется, – сузила я глаза.

Лорд вновь усмехнулся, но ничего не ответил, и я оставила его одного.

На коридоре же ускорила шаг, тревожась о малышке и готовясь уже, если потребуется, выставить Ранэля вон из *не его* замка!

Но он первым меня нашёл, будучи не менее злым.

– А я говорил! – начал, наступая и возвышаясь надо мной мрачной тенью с зелёным отблеском глаз. – Что дикарка должна быть в подвале!

– Что случилось? Если девочка снова напугана, помни моё слово...

– Мы когда перешли на «ты», – перебил он меня своим шелестящим, полным яда голосом. – Ты здесь никто, иномирянка. Не понимаешь всего. Считаешь, что Люциар жертва, достойная жалости? Он мой лучший друг, и то я не тешу себя иллюзиями. Не переходи черту, не усложняй нам всем жизнь. И в беду не попадёшь.

– Это угроза?

Но вместо ответа он вдруг прижал меня к стене и, зацепив пальцами мой подбородок, заставил запрокинуть голову, чтобы я оказалась во власти его чарующих глаз. Затем приблизился, опаяя своим мятным, ледяным дыханием мою шею и прошептал:

– Не угроза, Аделин. Аделин... Это... Предупреждение, – от голоса его по спине моей прошла волна мурашек. – Это совет того, кто желал бы видеть тебя чаще и невредимой, а не найти вдруг где-нибудь, – ладонь его обожгла мне кожу чуть ниже талии, – в лесу, прикрытой жухлой травой... Как тем полусгнившим одеялом, что дал тебе Годрик, «помогая» согреться.

Я упёрлась ладонями в его грудь и попыталась оттолкнуть, отворачивая лицо, боясь поцелуя так, словно губы его ядовиты.

– Пусти!

– Госпожа, – так вовремя подошла к нам милая Таи, – бульон готов, как вы приказывали.

Ранэль расхохотался, пуская по коридорам гулкое весёлое

эхо.

– С каких это пор ты перешла с ней на «вы», Таи? Опомнись!

Бедная женщина растерялась. Но я спасла её от надобности отвечать:

– А это нормально, что ты командуешь здесь не своей прислугой?

Ранэль остро изогнул бровь и, наконец, медленно от меня отстранился.

– Этот замок перейдёт ко мне, как только лорда не станет, – поведал он. – Иначе, кто ещё рискнёт жить на проклятой земле? Они все должны быть благодарны, что не брошу их. Ведь и прислугу никто на службу после всего этого не возьмёт. Поэтому, Аделин, я и попросил тебя быть осторожнее в словах и действиях. Ведь и тебе... – губы его растянулись в острой, самодовольной улыбке, – тебе тоже некуда больше идти. Не так ли?

– Лорд Люциар ещё не умер, – мрачно заметила я, оправляя свою одежду так, словно от прикосновений Ранэля на ней осталась грязь. И обернулась к Таи: – Ещё мне нужен травяной чай, если есть, думаю, хорошо бы мятный. Или завари календулу. Вроде как она против воспалений... Подготовь, пожалуйста, всё. Я проведу Лору и отнесу ужин Люциару.

– Ага, ага, – закивала Таи и посеменила обратно к кухне.

– Она в подвале, – холодно бросил мне в спину Ранэль.

– Но я же просила! – не смогла сдержаться я.

Он как-то лениво повёл плечом, слегка поморщившись от моего крика (может, и я вскоре перестану его устраивать и привлекать?).

– Только оттуда её не услышит лорд. Или ты хочешь свести его с ума?

– Ты приведёшь девочку сюда, ко мне, – сжав кулаки, стараясь, чтобы голос не срывался, произнесла я и принялась открывать двери в поисках подходящей спальни. – Вот сюда! Иначе, помани моё слово, я не побоюсь вовлечь в этот скандал лорда, раз уж он всё ещё жив! И разбираться со всем уже придётся тебе, а не мне. А что-то мне подсказывает, никому этого не хочется, даже несмотря на то, что лорд и подняться сам неспособен!

Договорив и зайдя в выбранную спальню, я изо всех сил хлопнула дверью. А затем, словно маленькая, рухнула на мягкую, устланную молочным бархатным покрывалом кровать и зарыдала в голос, подушкой приглушая эти звуки, рискуя слезами промочить её насквозь.

Однако спустя минуту уже сидела, осматриваясь, тыльной стороной ладони утирая лицо.

Не для того меня улица растила, не для того, чтобы расклеиться и сдаться я спасалась как-то от бродячих собак, от невзлюбивших меня подростков, от местного сторожа в интернате, что не первую девчонку уводил за собой, запугивая после и заставляя молчать. Не для того я развелась с мужем,

который лишь пыль мне пускал в глаза и слушал безоговорочно свою странную мать. Не для того я училась на отлично и выбрала медицину, чтобы стать достойным человеком несмотря ни на что и помогать другим. Не для того, чтобы теперь сгинуть здесь в слезах...

Я всё ещё могу быть тем человеком, каким хотела себя видеть. Я всё ещё могу выжить.

Комната, пусть и выбранная так спешно и случайно, оказалась очень уютной: кровать с балдахином, ну точно для маленькой принцессы! Я буду спать здесь вместе с Лорой, чтобы малышке не было страшно, и чтобы точно знать, что она не сбежит ночью бродить по коридорам. Платяной шкаф был расписан цветочными узорами, пол и потолок казались тёплыми от янтарной краски. Большое зеркало на стене в золотой массивной оправе отражало два уютных синих кресла у небольшого камина, а окно, от пола и до полотка, дарило потрясающий вид на луг внизу и лес за синеватой дымкой тумана.

В последний раз судорожно выдохнув, я поднялась с кровати. И в этот момент Ранэль ввёл в комнату упирающуюся малышку.

– Пожалуйста, – процедил сквозь зубы, разжимая крепкую хватку на её тонкой хрупкой руке.

И Лора бросилась ко мне, обнимая и дрожа всем телом.

– Тише, не бойся, – зашептала я, гладя её по голове, – теперь ты будешь жить здесь, со мной. Только не нужно вы-

ходить одной и кричать, хорошо? – и, опустившись к ней, добавила: – Иначе у нас обеих будут неприятности. Но мы придумаем, что делать и как жить, ладно?

Она смотрела на меня своими широко-распахнутыми глазами и не спешила спорить или соглашаться. Лишь, спустя мгновение, вдруг обняла за шею и перестала дрожать.

Ранэль наблюдал за этим с чем-то странным во взгляде своих чарующих глаз. Будто бы даже... любовался этой картиной и не хотел нас спугнуть. От того и вышел вон тихо и неспешно, прикрыв за собой дверь, что считывалось даже за некое... извинение?

Хотя я и не верила ему.

Укачивая на руках девочку, просто жалея её без слов, я дождалась возвращения Таи.

На подносе, что она принесла, стояла не только кружка с бульоном и отваром трав, но и нарезанный белый хлеб, какие-то фрукты и жареное мясо, что лорду я дать просто не решусь, после пяти дней голода...

Также женщина догадалась прихватить с собой мои вещи, и вот я уже усадила её и Лору в кресла у зажжённого камина, забрав поднос, а малышке отдав свой, чудом сохранившийся при мне, уже бесполезный телефон.

– Вот, играйся, иномирная вещь теперь твоя, – шутливо щёлкнула я девочку по носу. – Таи за тобой присмотрит, будь умницей, хорошо? Иначе нам не позволят жить вместе.

Малышка кивнула.

И я, скрепя сердце, оставила их вдвоём.

А в коридоре, не нарушая традиций, едва не врезалась в Годрика.

– Скоро продукты закончатся, – одарив меня мрачным взглядом, то ли решил предупредить, то ли позлорадствовать он, – и Ранэль запретил нам выезжать за ними в город. Тебя отправит. Выйдешь за пределы территории Люциара, господин просто заберёт тебя себе и смута в замке прекратится. А нажалуешься Люциару, не поверит. Ранэль ему, как брат родной. Поэтому, думай, дев-чон-ка, – прокаркал он и посторонился, позволяя мне пройти.

Ранэль так уверен, что Люциар не признает меня здесь на правах местной прислуги? Посмотрим...

– Я вернулась, – стараясь, чтобы голос звучал бодро, плечом открыла дверь в спальню лорда. – Проголодались? Знаю, что да.

Он молчал, не шевелясь сидя на кровати. Не ответил, и когда я опустила тяжёлый поднос на тумбу. И когда уселась на стул рядом, даже не повернул голову в мою сторону.

Но когда я начала с аппетитом есть ароматное, жареное мясо из маленькой мисочки, лорд звучно сглотнул и плотнее сомкнул бледные от голода и болезни губы.

– Зачем себя мучить? – произнесла я тихо и поднесла к его рукам чашу с бульоном. – Попробуйте, пожалуйста... Не отравленное, клянусь.

Я и правда проверила всё, прежде чем принести ему. Но, признаться, не на наличие отравы. Просто не очень доверяла кулинарным способностям Таи...

Лорд, слегка помедлив, поднёс чашу к губам и сделал акkuratный, маленький глоток. После чего всё с большей жадностью принялся пить.

Подумав, я подала ему кусочек хлеба.

— Вам сразу много нельзя. Поэтому я навещу вас ещё... А пока, — когда он доел, убрала я всё на поднос, — позвольте...

Он замер, ощутив на своих волосах мои руки.

— Что ты делаешь, Аделин?

— Так спутались волосы... — в ужасе, едва слышно прошептала я, стараясь пальцами разобрать колтуны на серебряных, при этом удивительно чистых на вид, волосах.

Представляю, как оттягивали они кожу головы и причиняли неудобство.

— Как вообще это произошло, — вновь начал охватывать меня гнев.

Люциар молчал, сидя в полном недоумении от того, что я делаю.

— У вас есть гребень? — я поднялась и обошла комнату, проверяя шкафчики и найдя, наконец, костяную расчёску в тумбе. — Постараюсь осторожно, но волосы проще остричь...

Конечно, у меня бы и рука не поднялась совершить такое кощунство! Но лорд, восприняв слова мои всерьёз, слабо улыбнулся:

– Не выйдет. Если только не зачарованным клинком или
я собственноручно бы это не сделал.

– Драконья сила? – догадалась я.

– Иная природа... – слегка кивнул он.

– А как вообще... мм, – я замялась, не зная, какие подобрать слова. – Какого быть драконом? Вы действительно не человек, или это вроде особой магии? В моём мире у людей разве что обычаи отличаются, цвет кожи и разрез глаз, но при этом все – одни и те же люди. А здесь?

Он слушал меня внимательно и, похоже, понял вопрос. На губах лорда проскользнула снисходительная, тёплая усмешка. Голос прозвучал мягко и вкрадчиво, будто он объяснял что-то простое ребёнку, но изо всех сил пытался делать это с уважением:

– Это скорее звание, данное свыше, а в венах наших течёт человеческая кровь. Драконья сила преобразует тело, дарует крылья, в которых и заключена бОльшая её часть и разрушительная мощь. Драконы редкость... Но родиться, по воле судьбы, может дракон в обычной людской семье. Не угадать никак, не предсказать... Живём мы сотни лет, кто-то, коль верить преданиям, прожил и тысячу... Но и появляемся раз в столетия. На данный момент, помимо меня, существует лишь один дракон. На другом конце земли. И дочь моя была... Сила её, правда, не успела раскрыться и я не чувствовал её, как себе подобного. Я даже, – голос его охрип, Люциар прикрыл веки, – даже не чувствовал её угасающего

пламени...

Больше я ни о чём не спрашивала, аккуратно, прядь за прядью разбирая его волосы и медленно проходясь по ним гребнем.

Дракон полыхал... Сквозь порванный синий халат (всё тот же...) мне была видна его сильная спина со шрамом и идеально ровной, гладкой кожей.

Когда волосы были распутаны, лорд, наверняка соскучившись по прикосновениям и чему-то приятному, расслабленно прикрывал глаза всякий раз, как я проводила гребнем по его голове.

 – Могу я сменить вам одежду? – спросила я, закончив и не без сожаления отняв руку от его шелковых волос.

Не отвечая, Люциар спустил с плеч халат, открывая рельефный торс и высвобождая крепкие, красивые руки из рукавов, невольно играя твёрдыми, как камень, мышцами и обнажая шрам на груди, всё ещё страшный и наверняка болезненный.

Я закусила губу до крови, отчего-то вмиг растерявшись.
– В шкафу, – подсказал он, наугад направив в мою сторону незрячий взгляд. – Подай, что угодно и ступай, Аделин. Ты ведь наверняка так и не отдохнула после дороги в это мир...

Подрагивающими руками я вынула из полки новый, чёрный с золотыми полумесяцами на рукавах, халат и подала ему, по пути замешкавшись, разглядев на стене за шкафом портрет...

Похоже, недавно он был завешен багровой тканью, но она сползла, открывая часть женского лица с миндалевидными, ланьими глазами и тёмными с бронзовым отливом косами.

Жена Люциара?

Такая красивая...

Отчего-то с трудом оторвавшись от портрета, я напоследок сказала лорду, что зайду чуть позже и, сама не помня, как, вышла из спальни и добралась до своей комнаты.

Легла, будучи без сил, рядом с уже спящей малышкой, обняла её, уткнувшись в мягкие белые волосики, и провалилась в тёмный глубокий сон.

Который был вдребезги разбит рано утром, ещё до рассвета, эхом тревожного колокольчика.

Распахнув глаза, стараясь не потревожить малышку, я тихонько выскользнула из под одеяла. Но снаружи расслышала шаги.

Совсем неспешные и лёгкие... Что, почему-то, заставило меня насторожиться.

– Разбудит весь замок, – недовольно, с долей опаски произнёс за дверью... женский приглушённый голос.

Совершенно точно не Таи...

– Никто к нему сломя голову не побежит, – лениво растягивая слова, заверил незнакомку Ранэль.

– А иномирная девка?

Я ухом прижалась к дверной щели, пытаюсь расслышать

лучше.

– Дверь запер, как только она заснула.

Сердце моё заколотилось в груди до боли в рёбрах, я сжала пальцами дверную круглую ручку, но поворачивать не спешила. Нужно, чтобы говорящие отошли подальше.

И когда я перестала их слышать, решилась повернуть...

Щёлк – и дверь приоткрылась.

Не запер. Странно...

И тут взгляд мой упал на точно такую же дверь рядом, которая как-раз-таки не поддавалась, когда я пару раз потянула её на себя.

Перепутал? Мне и лучше.

Лорд зовёт, хотя бы кого-нибудь, с помощью своей «порочной вещи», как назвал он тот колокол. Голос, каким он произнёс это в тот раз, ещё долго будет всплывать в моей памяти и больно терзать сердце...

С ним что-то случилось, иначе не попрали бы гордость и не позвали. А некто тем временем идёт вовсе не к нему.

Наощупь, по стеночке, шурясь от темноты и стараясь ступать беззвучно, я пошла в сторону ускользающего за поворотом света лампы.

И, затаив дыхание, выглянула из-за угла...

Ранэль держал светильник, пока неизвестная мне высокая дама подбирала ключи из громоздкой связки к тяжёлой, оббитой железом двери.

В длинном плаще, скрывая лицо капюшоном, она казалась туманным тонким призраком, звенящим цепями.

Но вот ключ выбран и заскрежетал в замочной скважине.

– Может, скажешь всё-таки, – улыбнулся Ранэль, услужливо поднося лампу ближе, – зачем именно пришла?

– Дорогуша, – мёдом растёкся её голос, – любопытство никого ещё до добра не довело. Это мои дела и короля, ради собственного блага, отойди в сторонку, – улыбаясь, взглянула она на него и изящным движением поправила на голове сползший капюшон.

И я могла бы поклясться, что узнала в ней женщину с портрета...

– Ты, – насторожилась та вдруг, словно услышав моё судорожное дыхание, – ничего не заметил?

И я поспешила отступить, а там и направилась в сторону лорда, на всё усиливающийся звук колокольчика.

– Люциар?! – ворвалась к нему в спальню и спиной прислонилась к двери, будто за мной велась погоня и сюда вот-вот начнут ломиться.

Он выпустил из обессиленных пальцев колокольчик, бледный в неверном свете свечи, словно сотканный из лунного туманного света.

– Дышать, – произнёс едва слышно, – тяжело... Воды...

Я метнулась к кувшину, наполнила стакан и подала лорду, придерживая его за затылок, помогая сделать пару глотков. А затем опустила ладонь на его грудь, прислушиваясь к би-

ению сердца.

Оно полыхало, как печь, разгоняя по драконьим жилам пламя, не кровь...

– Где болит? Снова спина? – догадалась я.

– Всё. Сдавило всё...

Его мышцы, и без того каменные, скрутило и грудь едва могла вздыматься от поверхностного дыхания.

Я распахнула окно, впуская свежий воздух, затем присела на краю кровати и начала гладить напряжённые плечи лорда, ключицы, шею, пытаюсь расслабить... Как вдруг Люциар обхватил меня рукой и притянул к себе, заставляя зависнуть над ним, окутанной жаром драконьего тела.

Веки его были плотно сомкнуты, словно лорд не желал меня пугать.

– Откройте глаза, – сама от себя не ожидая, попросила я.

И ресницы его дрогнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.